Верните меня на кладбище

Автор:
Ольга Романовская

Верните меня на кладбище

Ольга Романовская

Для всех кладбищем все заканчивается, а для Кары Барк – только началось. Она благополучно скончалась и спокойно лежала в могиле, пока одному неопытному некроманту не понадобились деньги. Только вот маг попался безалаберный и не удосужился проверить, какую покойницу воскрешал из мертвых. В итоге он сбежал, не доделав ритуал, а Кара осталась. Она полна решимости дойти до самого Верховного некроманта, лишь бы наказать мага-неумеху и вернуться в могилу. Только вот вдруг ей понравится вторая, случайная жизнь?

Ольга Романовская

Верните меня на кладбище!

Глава 1

Ночью жизнь традиционно замирает. В зимнюю пору и вовсе рано, поэтому вороны на кладбище чрезвычайно возмутились, когда свет фонаря нарушил их покой. Громко каркая и проклиная страдавшего бессонницей человека, выбравшего для прогулок столь странное место, как кладбище, они разлетелись по ветвям, досматривать сны.

Чуть посеребренный луной снег хрустел под ногами. Его намело немало, сугробы доходили до колена. Человек пыхтел, но упорно прокладывал путь сквозь белую целину. Сюда его привела одна из самых сильных людских страстей – деньги. Мысль об авансе и обещанной немалой награде за итоговый результат притупила страх. Впрочем, в силу профессии человек больше боялся живых, нежели мертвых.

– И угораздило же ее умереть зимой! – с трудом вытащив ногу из сугроба, бурчал ночной возмутитель спокойствия. – А меня поступить на этот факультет. Как же, распределение, почет, государственная служба! Очень интересно трупы алкашей и старух разглядывать!

Справа что-то ухнуло. Мужчина, не оборачиваясь, крикнул: «Брысь!» Затрещали ветки, и темная тень лихо поскакала по снежному насту, не оставляя следов, как всякая благородная нечисть.

Луна услужливо выхватила из темноты фигуру некроманта, остановившегося у очередной могилы. Он сверялся с нацарапанным на оборотной стороне тетрадного листка планом кладбища. Нужную могилу пометили крестом. План набросал заказчик. Прошлогодний выпускник сотрейского филиала Магического университета проверять его не стал, положился на точность чужого глаза. Да и когда, под каким предлогом среди бела дня наведаешься на кладбище, если и так с трудом выхлопотал увольнительную для поездки к якобы больной тетушке? Начальство бы смотрело косо, сослуживцы – тоже. Трудностей с выполнением заказа хватало. К примеру, сегодня некромант едва не попался сторожу. Вихрастый, в нахлобученной на глаза шапке, закутанный в плащ с капюшоном, он выглядел комично, хотя пришел на кладбище в полночь за серьезным делом. Настолько серьезным, что рисковал оказаться на скамье подсудимых. Нет, по собственной воле некромант бы не нарушил закон, но ему хотелось модно одеваться, угощать девушек, купить дом, наконец, а не снимать комнату у вдовы с тремя детьми. Жалования для всего этого катастрофически не хватало. Повышения ждать тоже не приходилось: штат полностью укомплектован, войны не предвиделось. Так и пройдет молодость в вонючих казармах и не менее потных караулках среди неотесанных солдат. Или на побегушках у следователей, которые традиционно присваивают всю славу себе. О некроманте – ни строчки.

– Всего один раз! – убеждал себя юноша. – Подумаешь, я ведь никого не убью.

Самолюбие грело то, что родственники погибшей обратились именно к нему. Он мог рассчитывать на их молчание: дело шло о немалом наследстве. Услуги некроманта – пшик, мелочевка. Главное для заказчика – предъявить условно живую девицу, а там, после подписания бумаг, она может снова вернуться на кладбище, где ей и место. О сложностях превращения трупа в нормальное человеческое тело молодой человек не думал. В теории все должно получиться, а на практике… Зачем взвинчивать себя еще больше? Да и не дураки писали древние трактаты, если уж обещали в итоге не зомби, так оно и выйдет. Зомби-то каждый дурак подымет, а тут требовалось разумное существо, с душой.

Чем дальше от ворот, тем глубже снег. Теперь некромант проваливался в него по колено. Однако осталось недалеко, если верить плану, могила вот за тем ясенем.

Молодой человек с облегчением поставил фонарь на пенек и воровато огляделся. Всю дорогу от дома до кладбища ему чудилось, будто за ним по пятам идут солдаты. Сторож наверняка крепко спал – некромант подмешал в его любимый горячительный напиток снотворное. После обхода тот точно приложился к кружке, иначе среди мертвых без магии не выживешь.

Тихо. Даже вороны умолкли.

– Однако большое же наследство, если им нужен оживший труп!

Некромант скинул на землю мешок и размял руки.

– Так, Летиция, значит. – Он глянул на имя в углу листа с планом. – Умерла 3 января. Третья могила с угла.

Молодой человек растеряно огляделся. Могилы две, и обе третьи с угла, только с разных сторон, занесены снегом.

– Правая или левая?

Некромант почесал затылок. Раскапывать плиты жутко не хотелось, но как иначе определить нужную? Ленивый адепт магии смерти наклонился и зачерпнул пригоршню снега с правой могилы. Со второго раза пальцы достали

до камня. Посветив себе, некромант прочитал дату: «Третье января». Имя пряталось под снегом, но молодой человек не сомневался, под плитой именно Летиция – дата сходится, вот и дерево рядом. Год – сущая формальность, зачем лишние телодвижения делать, проверять. Да и крест все же ближе к ней, чем к той, напротив.

– Ну, помоги мне, ночь! – вздохнул некромант и принялся за дело.

Из мешка на снег полетела веревка, свечи и куриные перья. В кармане нашелся завернутый в платок уголек, которым любитель красивой жизни медленно, поминутно сверяясь с выбранными страницами из книги, начертил на снегу пентаграмму. Прежде выпускнику магической академии не приходилось проводить серьезные ритуалы, но он верил, все получится. Недаром же молодой человек, рискуя репутацией, сумел обокрасть библиотеку родного филиала университета. И как же хорошо он все обставил! Якобы приехал собирать материал для кандидатской, в итоге разжился полезным руководством.

– Пусть другие копаются в бумажках, – бубнил он, выкладывая охранный круг из веревки. – Зачем мне деньги в старости, на гроб из красного дерева? Я сейчас пожить хочу, пока еще не выпали зубы. А женщины? Какой мне прок от богатства, когда не можешь хорошенько потискать красотку? А ежели вскроется, я ничего не знаю, никого не видел, ни с кем не говорил.

Пять тысяч. Сумма ласкала мысленный взор, придавала сил. Работа спорилась, некроманту даже стало жарко, и он сбросил плащ и куртку. Физический труд облагораживает, выходит, за те полчаса, которые адепт смерти потратил на подготовку могилы, молодой человек стал минимум лордом. Дальше пришло время науки. Засучив рукава, некромант расставлял по углам рисунка свечи. Оставались только перья. Любитель праздной жизни не поскупился, щедро ободрал куриц из соседских курятников: автор фолианта не удосужился указать точное количество, вдруг не хватит?

– Холодрыга-то!

Некромант подул на покрасневшие руки. Еще немного, и пальцы бы утратили чувствительность. Ничего, ради пяти тысяч можно потерпеть.

Теперь предстояло самое сложное – сам обряд. Молодого человека потряхивало. Шутка ли – вселить в мертвое тело душу! Некромант опасался, Летиция выйдет не совсем идеальной, поэтому заранее предупредил заказчиков: родственницу нужно предъявлять только в сумеречном свете. Они согласились и заверили, что сумеют все обставить.

Стоит помянуть демона, то есть заказчика, так он появится! Чуткое ухо некроманта уловило скрип снега. Он обернулся и с трудом сдержал ругательство. А ведь договаривались, что некромант придет на кладбище один. И тут на тебе! У молодого человека чуть сердце из груди не выпрыгнуло: он решил, будто сторож таки не притронулся к бутылке и заметил свет.

– Что вы здесь делаете? – зашипел некромант, шагнув навстречу к заказчику. – Я велел ждать дома!

– Решил убедиться, что вы не сбежали с моими деньгами, – отозвался мужчина и, смахнув снег, устроился на ближайшей скамейке.

Некромант одарил его уничижающим взглядом.

– Вы меня оскорбляете!

– Я вас не знаю, – парировал мужчина, – а соблазн велик.

– Как и ваша выгода, – не остался внакладе молодой человек.

Ответа не последовало.

– «Хвост» не привели? – продолжал волноваться некромант.

Былые страхи вернулись, за каждым деревом мерещилась стража.

– Займитесь уже делом! – рыкнул заказчик. – Никакой сумеречный свет не скроет трупных пятен. Я плачу только за качественную работу. Вы ведь захватили с собой грим?

Некромант кивнул. Сегодняшний день станет дебютом на поприще художника. Смерть накладывала на человека определенный отпечаток, даже всего через пару дней, проведенных в земле, результат порой становился необратимым. Зима, безусловно, играла на руку преступникам, замедляла процессы разложения, но сегодня уже шестое число, покойница не первой свежести. Тут-то и придет на помощь косметика. Немного пудры, немного румян, и живой покойник готов.

– Не могла умереть неделей позже! – посетовал в пустоту заказчик.

Дядя назначил Летицию своей единственной наследницей. В случае ее смерти все земли и банковские счета отходили государству. Увы, девушка скончалась раньше дядюшки. Всего на день! К счастью, родственники проживали в разных областях королевства, и ушлый отчим, дав необходимые взятки, временно оживил Летицию. Но завтра приезжали поверенный и нотариус, ложь обязательно всплывет, придется предъявить девушку.

– Не волнуйтесь, никто не отличит от живой, – заверил некромант.

Он держался так, словно тысячу раз проводил подобные обряды, набивал цену.

– Сможет говорить? – не унимался заказчик.

Молодой человек неопределенно пожал плечами и сердито буркнул, пресекая последующие вопросы:

– Раз уж пришли, то смотрите, но ни звука!

– Но…

Заказчику показалось, что некромант перепутал могилы. Он поднялся, хотел проверить, но убийственный взгляд исполнителя заставил его замолчать и вернуться на место. Действительно, лучше не мешать, а то местную нечисть натравит. Специалисту виднее, где и как проводить ритуалы.

Ночь для магии выдалась практически идеальная: безветренная и лунная. Даже морозец немного ослаб, не так хватал за щеки, как еще вчера. Однако

некроманту казалось, будто стало на десяток градусов холоднее, возможно, от страха. Ладони его вспотели, в горле пересохло. Молодой человек напомнил себе о деньгах, глубоко вздохнул и, стараясь не думать о безмолвном наблюдателе, забубнил речитатив на вымершем языке. Пару раз дрогнуло пламя зажженных свечей – пока ритуал шел по правилам. «Небесный Дух, лишь бы и дальше все получилось!» – подумал некромант. Он сам себе не верил, но голова боится, а язык говорит.

Очередное движение рук – и могилу озарило легкое свечение. Некромант явственно увидел прозрачное облачко, скользнувшее откуда-то сверху к земле. Неужели душа вернулась в тело? Слова застряли в горле, когда земля под ногами дрогнула. Заказчик подскочил со своего места, прижал руку к груди, словно боялся, что сердце выпрыгнет наружу. Немудрено, не каждый день видишь, как покойница выбирается из могилы! Она не спешила, долго возилась с гробом, разгребала остатки снега. Волосы некроманта стали дыбом, когда на поверхности показалась рука. Он надеялся на мощь заговоренной веревки, но на всякий случай отступил на пару шагов. Мир мертвых – слишком опасная вещь, как воронка, может затянуть в свои врата.

Покойница тяжко вздохнула и посетовала:

– Как же холодно!

– Это не она! – взвизгнул заказчик.

Голос ожившей покойницы мало походил на голос Летиции.

– Подождите, – проблеял некромант, – оживление иногда меняет человека.

Он почти физически ощущал, как деньги утекают из рук.

Между тем покойница целиком выбралась из могилы. Даже бледного света луны хватало, чтобы понять, никакой ритуал не превратит шатенку в блондинку. Да и одета женщина была не в белое платье, в которых традиционно хоронили невинных незамужних девиц, а в нечто синее с потрепанной кружевной отделкой. Ткань лохмотьями свешивалась с худых рук. Некромант порадовался, что ритуал сделал кожу целой. Как оказалось, не всю. Стоило покойной повернуться к свидетелям ее воскрешения, как оба, призывая на помощь небеса,

ринусь прочь. Спотыкаясь, теряя детали гардероба, они наперегонки неслись к кладбищенским воротам. Мешок остался валяться на снегу, лампа все так же сиротливо горела на прежнем месте. Ритуал пошел не по правилам, покойница не должна была самостоятельно двигаться, говорить до наложения специальных чар.

– Куда же вы?

Женщина растеряно простерла руки к беглецам. Это по крайней мере невежливо – бросить ее здесь одну, если уж вздумали оживлять.

– Даже умереть спокойно не дадут! – посетовала покойница и, помедлив, осторожно тронула пальцами веревку. – Ай!

Обережный круг кусался! Женщина коснулась его снова, но он упорно не желал выпускать ее. Однако глупо стоять на развороченной могиле и ждать, когда в некроманте проснется совесть, поэтому бывшая покойница решила найти его самостоятельно. Справится уж как-нибудь с веревкой, не круглая дура.

Как непривычно – снова чувствовать свои руки и ноги! Женщина согнула и разогнула каждый палец, попрыгала на месте. Снег холодный и мокрый – тоже забытое ощущение. А ведь она умерла не так давно. Там, за Гранью, все иначе, будто паришь в вечном глубоком сне.

– И все-таки мертвой лучше, – пришла к выводу бывшая покойница. – У живых слишком много потребностей.

Хотя бы обувь, одежда. Да и разве прилично появиться в обществе неглиже? Женщина с тоской оглядела некогда модное платье. Одно дело – лежать в нем в гробу, другое – стоять посреди кладбища. Грудь в декольте покрылась мурашками, как, впрочем, и все остальное тело. Немудрено, ведь ткань истерлась, местами полностью истлела. Зато корсет сохранился, хороший, качественный, только отчего-то сползал. Неужели после смерти она похудела? Женщина не с первой попытки сумела зашнуровать его заново. Удобно, не нужно снимать платье. Правда, теперь декольте превратилось в разрез до пола, сделав из платья халат.

– Вот ведь!

Покойница в сердцах топнула ногой и шумно сцедила воздух сквозь зубы: мизинец ударился об осколок надгробной плиты. Как неаккуратно с ее стороны – повредить плоды чужих рук. Но, взглянув на плиту ближе, женщина убедилась, жалеть там нечего. Никакой позолоты, засечек, самым простым шрифтом выведено: «Кара Барк. 16 марта 1532 – 3 января 1556». А ведь она не голодранка, а почтенная вдова управляющего имением графа. Кара прожила с мужем всего полгода, пока его не убили. Женщина не горевала, наоборот, порадовалась избавлению от навязанного семьей супруга. Родные в один голос твердили: «Завидный жених, а ты старая дева», и Кара сдалась. Ей, скромной учительнице, не приходилось выбирать. В итоге сыграли свадьбу, на которой тост за молодых произнес сам граф. Разница в возрасте жениха и невесты никого не смущала – многие мужчины женились на юных красивых бесприданницах. Зато неизвестные злодеи сделали ее счастливой обладательницей столь желанных денег и избавили от необходимости делить постель с нелюбимым человеком. Детей в браке не родилось, и Кара рассчитывала пожить в свое удовольствие. Увы, не вышло. К ней начали наперебой свататься, а родные настойчиво требовали снова примерить свадебное платье. Мол, неприлично в ее возрасте одной, мужик в доме нужен, хотя бы чтобы деньгами толком управлять. Куда женщине такой капитал, растратит. Одно из свиданий в итоге стало фатальным. Каре пришлось без пальто бежать через окно от навязчивого поклонника. Нелепая простуда обернулась осложнениями, которые не сумел вылечить местный врач. И вот теперь Кара снова жива. Невероятно! Только вот ей хотелось обратно, в приятный покой, где никто не попытается оскорбить ее или выдать замуж. Да и за год, именно столько прошло со времени смерти Кары, страсти остыли, а небытие без боли, чувств и прочих волнений стало таким отрадным. Если бы некромант удосужился проверить полную дату смерти… Но начинающий делец сверил лишь число и месяц, положился на план и собственную интуицию, которые в итоге его подвели.

– И как же мне теперь?..

Кара растерянно огляделась и прислушалась к собственному дыханию. Грудь высоко вздымалась, теплая кровь разливалась по телу. Только ее оказалось недостаточно, чтобы не мерзнуть, и воскресшая покойница попрыгала, заново учась пользоваться мышцами и сухожильями. Сначала она напоминала куклу: движения давались тяжело, натужно, но с каждой минутой возвращалась былая подвижность.

– Какой идиот обрядил меня в сафьяновые туфельки? – Кара взглянула на ноги.

От обувки ничего не осталось, подошвы канули в земле, когда, повинуясь воле некроманта, женщина выбиралась наружу. Она хорошо запомнила тот момент: резкий толчок, нестерпимая боль и удушье. Кара забарахталась, словно утопающий, и, плохо соображая, что делает, пробила подгнившие доски гроба. На лицо хлынула мерзлая земля вперемежку со снегом. Каким-то невероятным усилием женщине удалось не задохнуться. Любитель наживы ведь схалтурил, не до конца раскопал гроб.

– И некромант – идиот. – Кара подула на замерзшие пальцы. – Как мальчишка, дал деру. Или решил, будто дядюшка положил в могилу драгоценности, хотел поживиться? О, он плохо знает моих родственников, они обчистили шкатулку прежде, чем моя душа отлетела за Грань.

Взгляд снова уткнулся в обережную веревку. Нужно от нее избавиться, иначе Кара замерзнет. С другой стороны, именно этого она и ждала. И женщина легла на развороченную могилу, даже глаза закрыла. Вот сейчас все закончится… Но минута текла за минутой, а заветный покой не возвращался. Кара жутко продрогла, ее бил озноб, от холода почти отнялись руки и ноги, а жизнь не желала угасать. Когда лампа догорела, а небо на востоке посерело, женщина окончательно убедилась, что легко умереть можно лишь однажды. Пришлось сесть и отогреть дыханием конечности.

– Что за нелепость! – Кара потянулась за веткой и осторожно, опасаясь нового болезненного удара, дотронулась до веревки. – Значит, когда я молила сохранить мне жизнь, небеса остались глухи, а теперь пожалуйста! Они издеваются?

По руке прошел легкий разряд, но не настолько сильный, как в первый раз. Окрыленная, женщина продолжила опыты с веревкой. В итоге ей удалось разомкнуть контур, и магия выпустила Кару из ловушки. Сделав шаг, бывшая покойница не удержала равновесия и плюхнулась в снег. Отплевываясь, женщина села и провела ладонью по лицу. Кара нахмурилась. Определенно, с ним что-то не так. Здесь бы пригодилось зеркало, но придется довольствоваться льдом. Заприметив вдалеке лужу, Кара поспешила к ней. Потухшую лампу она прихватила с собой. Зачем, пока не знала, рука сама потянулась. Опустившись на корточки, женщина вгляделась в собственное отражение. В предрассветных сумерках на нее смотрело… Кара замотала головой и протерла глаза. Лужа

наверняка грязная, а света недостаточно. Вот взойдет солнце… Но свет нового дня лишь во всей красе отразил ошибку некроманта. Тот не успел закончить ритуал, да и покойница была на год старше Летиции, в итоге чары восстановили кожу и хрящи, но их силы не хватило на самое главное – лицо. Кара вскрикнула и отшатнулась. Она не верила, что то страшное, со впалым носом и провалами глаз – и есть она. От былой красоты остался только рот.

– Ненавижу! – завыла Кара и в бессильной ярости удала по земле.

Если и можно нанести женщине несмываемое оскорбление, так это лишить ее лица. Лучше бы некромант сделал Кару лысой, лучше бы она ослепла, чем этот череп!

– Найду, собственными руками убью! – пообещала обидчику женщина и по привычке поднесла руку к глазам, запоздало сообразив, что плакать не может.

Странное дело – глаза есть, пусть без ресниц и век, а слез нет.

– Ну, и куда ты такая сунешься?

Пригорюнившись, Кара уселась на скамейку, на которой некогда дожидался результатов ритуала родственник Летиции.

– Положим, – она рассуждала вслух, – можно остаться тут. Сторож во время обхода обязательно заметит неладное, позовет некроманта. Или не позовет, если от моего вида его хватит удар. Готова ли ты стать причиной смерти ни в чем не повинного человека и сама принять отнюдь небезболезненную кончину? Согласись, несправедливо корчиться от боли, сгорать заживо и прочее. Выходит, мне нужно самой найти некроманта и заставить его погрузить меня в вечный сон.

Робкое зимнее солнце показалось между деревьями, напомнив о насущной проблеме – сомнительной внешности. Кара нашла в себе силы снова подойти к луже и, присев на корточки, долго разглядывала новую внешность. А еще сетовала на мироздание, которое столь жестоко обошлось с ней. Каре никогда ничего не давалось легко. Начать с того, что она родилась старшей в семье и все детство помогала матери ухаживать за братьями и сестрами. Она растила их одна – отец рано ушел из жизни. Родня не рвалась помогать вдове, хотя

приютила Кару, когда та надумала продолжить образование. Ей руководил простой расчет: без профессии девушке ее происхождения делать нечего. Кара всегда отличалась прилежанием и смогла закончить Женский колледж с дипломом учительницы, после чего вернулась в родные края. Для большего требовались деньги, которые по известным причинам негде было достать. Вскоре освободилось место, и Кара начала преподавать, получила от государства скромную квартиру. Тут-то и начались разговоры о замужестве. Сначала их вела мать: неприлично-де женщине одной, после ее смерти продолжили брат и тетки. В конечном итоге жить стало невыносимо, и Кара сдалась. Только чем все обернулось?

– Не так уж все плохо, – утешала себя молодая женщина, пытаясь найти плюсы среди сотни минусов, из которых отныне состояла ее внешность. – У тебя есть глаза. Подумаешь, запали, как у сломанной куклы, но ведь есть же. И уши, вот без ушей никак нельзя. Череп целый, челюсти двигаются. Да ты просто красавица!

В ответ на ее слова уродливое отражение осклабилось зубами без десен. Да, определенно, рот лучше не отрывать – не все оценят подобную улыбку.

– Приветливое выражение – признак недалекого ума, – продолжила Кара, пряча за иронией желание заорать на все кладбище. Но тогда точно быстрой и легкой смерти не видать, да и неприлично. Учительница, вдова управляющего – и вдруг орет. Мать с отцом бы перевернулись в гробу. Дочь егеря звучит гордо, а не громко. – Рот тебе оставили, вот и держи его закрытым.

Женщина закашлялась и выплюнула червяка.

– Фу, какая гадость!

Ее чуть не стошнило. Интересно, сколько подобной дряни осталось внутри? Визит к некроманту явно откладывался: ни одна уважающая себя дама не явится в гости с кладбищенской отрыжкой.

– Рвотное или слабительное? – Кара крепко задумалась. – Возьму и то, и другое. Надеюсь, аптекарь обслужит в долг.

И только потом ей пришло в голову, что открыть кредит не на кого: Кара Барк мертва.

– Ничего, – легкомысленно отмахнулась она, – дядюшка не обеднеет, если хоть раз заплатит за меня. Помнится, я дала ему столько, что хватило бы купить всю аптеку и аптекаря в придачу.

Кара хихикнула, представив, какой бы удар хватил Оливера Стена, если бы она заявилась к нему в таком виде. Пожалуй, она не откажет себе в такой шутке, хотя бы для того, чтобы полюбоваться его лицом. Человек, заказавший сомнительное надгробие, заслуживает визита похороненного под ним мертвеца.

– Однако, как много у меня дел! – вздохнула Кара. – Удивительно, стоит воскреснуть, как они плодятся быстрее полевок.

Ладно, дядюшка – это хорошо, а с внешностью-то как?

– Идеально для маскарада! – фыркнула Кара. Былой ужас сменила ирония. – Даже маски не надо. А если серьезно, обычная вуаль скроет все недостатки. Надеюсь, за год женщины не похорошели настолько, чтобы отказаться от нее. Перчатки мне не понадобятся, пальцы целы. Кожа бледная, но это всегда в моде. Волосы клочьями не выпадают. – Бывшая покойница проверила, держались крепко. – Раз дышу, то и полный комплект органов имеется. Словом, прояви немного фантазии, и станешь обычным человеком. Подумаешь, в зеркало денек не посмотришь! На том свете вообще все равно.

Немного успокоившись, женщина побрела к воротам, удивляясь простейшим вещам: следам на снегу, яркости рассветного солнца. Только вот птицы отчего-то бросали петь, стоило подойти к дереву. Кара пробовала их подманить, уговаривала остаться. Итогом стали два трупика, свалившееся к ее ногам. А ведь женщина всего-то запрокинула голову! Кара со вздохом похоронила их в снегу и еще больше уверилась, вуаль не модный аксессуар, а насущная необходимость.

– Эй, кто идет! – настиг ее у самых ворот пропитый хриплый голос.

Молодая женщина испуганно обернулась и прижала ладони к лицу – еще помнились мертвые птицы. Покачиваясь, по дорожке брел сторож в распахнутом

тулупе. Шапка съехала набок, того и гляди упадет. На плече грозного охранника поблескивала аркебуза. Очевидно, сторож полагал, что порох – тот же огонь и без проблем уложит разгулявшуюся нечисть. По мнению Кары, тяжелой железкой можно было только пугать детей. Она слышала от таких от брата – он служил в армии. Гастон мог часами рассказывать о мечах, ножах и пищалях.

– А ну покажи личико! – потребовал сторож и для пущего эффекта навел на Кару дуло аркебузы.

С перепугу женщина отняла руки, позабыв о пикантной внешности. Она произвела фурор. Бросив оружие, сторож дал стрекача. Оказавшись за спасительной дверью времянки, запершись на все засовы и крючки, он провел рукой по вспотевшему лбу и клятвенно пообещал: «Все, бросаю пить! Привидится же такое! И по бабам продажным больше не ходок. Всегда догадывался, там залежалый товар подсовывают, но настолько!»

Кара проводила печальным взглядом трусливого сторожа. Неужели отныне все станут от нее прятаться?

– А чего ты ожидала, с таким-то лицом? – грустно сказала себе женщина и потянулась за аркебузой.

Когда у тебя череп вместо миловидной внешности, необходимы весомые аргументы для продолжения общения. Тому же аптекарю или солдатам, которых он непременно позовет, необязательно знать, что оружие не заряжено. Заодно решится вопрос с кредитом. Расстроенной женщине можно простить некоторые слабости, если они не выходят за рамки годового бюджета. Кара оценивала себя намного скромнее, ее нервы равнялись выручке за пару часов.

Глава 2

Избавившись от наследия кладбища, госпожа Барк гордо вышагивала по улице с аркебузой на плече. Она направлялась к модной лавке, надеясь уладить там дела столь же быстро, как в аптеке. В виду раннего часа пугать никого не потребовалось, аркебуза сошла за лом, и Кара благополучно взяла нужные

лекарства с полки. Как воспитанная женщина, она оставила записку с перечнем одолженного и обещанием расплатиться в самые кратчайшие сроки. Вместо подписи Кара оставила инициалы дяди – мелочная месть за отсутствие памятника и эпитафии. «Какая бы мне подошла? – на ходу размышляла женщина. Плечо ныло под тяжестью аркебузы, но бросить ее Кара пока не решалась. – Возлюбленной сестре и племяннице? Банально! Строка из «Элегии» Чайльда? Слишком пафосно. Да что за смерть-то такая, если для нее даже подходящих строчек не найти!»

В лавку Кара вломилась в самом сумрачном настроении, по дороге став причиной инфаркта двух ворон и одной собаки. Ноги понесли ее ко вдовьим нарядам, как нельзя лучше отражавших цвет ее души. С другой стороны, черный стройнит, всегда в моде, элегантен – тысяча достоинств.

– Да у меня такой талии даже в шестнадцать лет не было! – вздохнула Кара, повертевшись перед зеркалом в полный рост. – Кто бы мог подумать, что лучшее средство для похудания – смерть.

Однако черный молодая женщина в итоге не взяла: взгляд приковали модные наряды на манекенах. Решив, что в гроб надо ложиться в лучшем виде, Кара сняла один из них и пришпилила к обтянутой тканью болванке ставшую традиционной записку: «Запишите на мой счет. Оливер С.»

– Ну, и чем я хуже придворных дам?

Кара одобрительно кивнула собственному отражению. Сомнительное лицо она предусмотрительно спрятала под плотной вуалью и сейчас действительно походила на графиню – супругу бывшего работодателя мужа. С одной лишь оговоркой – леди босиком не ходят.

– Свидетели небеса, я не хотела! – вздохнула Кара и с чистой совестью отправилась за туфельками и чулками.

Ну не ложиться же в гроб в красивом платье и с голыми ступнями?

Ставшая непомерно тяжелой аркебуза теперь волочилась позади Кары, фиксируя маршрут ее нехитрых передвижений. Женщина заметила это поздно, но справедливо решила, что после разрытой могилы и встречи со сторожем

глупо волноваться о подобных мелочах.

– И почему некромантам зимой дома не сидится? – размышляла вслух Кара, одним глазом посматривая на солнечные лучи на востоке, с трудом пробивавшиеся сквозь упавший вскоре после рассвета туман, другим – по сторонам. – Или он садист? Определенно, еще и мазохист. Если не любишь свою работу, смени, а он зло на несчастных покойниках срывает. Мало того, что я ногтями, – женщина с тоской глянула на безнадежно испорченный предмет былой гордости, – ломала гроб, так еще вынуждена босиком топать по снегу. Про внешность вообще молчу. Таким выпускникам магических вузов нужно руки отрывать. Ладно я, существо безобидное, страшно представить, что он в бою сотворит! А уж труслив! Интересно, при встрече с зомби на елку залезет?

Бедному некроманту икалось – воскрешенная им покойница не скупилась на выражения. Досталось и местным жителям, правда, по другой причине.

– М-да, – остановившись на перекрестке, протянула Кара, – теперь понятно, отчего экономика в упадке. Солнце встало, а все благополучно дрыхнут. В девять часов утра!

В подтверждение ее слов часы на башне муниципалитета пробили девять раз.

– Ладно, это их проблемы, мне уже деньги не нужны.

Философски настроенная Кара свернула на бульвар – главную улицу скромного провинциального городка. Выросший на морском побережье, он пропах смолой и рыбой. Они же стали фундаментом, который вознес Осин до статуса города. Некогда деревянные дома сменили каменные, появилась набережная с палатками мороженщиков, кафе с яркими тентами, под которыми так приятно отдохнуть в жару. Но в конце зимы берег пустынен. За прошедшие столетия он осыпался, а море отступило, отгородившись от города длинной песчаной отмелью, на которой в хорошую погоду играли воспитанники местной школы. Она находилась через два квартала, у старой ореховой рощи. Некогда та земля принадлежала местному богачу, но он обанкротился, а его особняк приспособили для образовательных нужд.

За северной окраиной Осина начиналась дорога, по которой муж некогда увез Кару в графское имение. Его отсюда не видно, даже в ясную погоду.

Аристократы не жаловали северное море, считали его слишком унылым, колючим и неприветливым, да и земля на побережье не отличалась плодородием – камни да суглинок. То ли дело плодородные внутренние долины! Кара сама любила бесконечные лавандовые поля – единственное, по чему она скучала из прошлой жизни. Да еще по детям. Попадались среди них не только заносчивые наследники лавочников, но и те, кому нравились науки. Они с таким восторгом смотрели на доску, следили за каждым движением учителя. Жаль, немногим суждено закончить обучение: простые люди начинали работать рано.

Сначала Кара решила довольствоваться малым, но потом подумала, что смерть – достаточный повод, чтобы побаловаться себя. Она при жизни носила достаточно грубых ботинок из свиной кожи, пусть хотя бы на том свете узнает мягкость телячьей.

– Могли бы и женский вариант придумать! – проворчала неуемная покойница, натужно сгрузив аркебузу на землю. Она тяжело шмякнулась в снег, едва не отдавив Каре ногу.

Витрина лавки лучшего сапожника города манила. Прикрыв глаза, Кара ощущала запах кожи, бархат велюра, легкость походки на невесомой колодке. Да что там, все женщины Осина мечтали хотя бы примерить туфельки или сапожки от мастера Зана. Его клеймо хорошо знали и за пределами города. Если верить слухам, Зан добрался до столицы. Последнее Кара считала чепухой, хотя допускала, деньги у сапожника водились немалые. Взять хотя бы вывеску, ее заказали у заезжего художника. Или лавку по соседству с муниципалитетом. Землю тут просто так не дают.

– Одним преступлением больше, одним меньше, – успокаивая совесть, вздохнула Кара и взмахнула аркебузой.

Она выскользнула из ослабевших рук и неловко ударилась о витрину. Зазвенело стекло. Не успевшая отскочить Кара с удивлением и интересом уставилась на капельку крови – след от пореза.

– Совсем живая! – Она восхищенно покачала головой и тут же сникла. – И опять с изъяном. Кто там в карты мою душу проиграл и теперь измывается?

Захрустели осколки. Сцеживая воздух сквозь зубы, Кара забралась через разбитую витрину в лавку и огляделась. Чем дальше, тем больше ее тяготила дарованная жизнь. Оставалось надеяться, хотя бы туфли порадуют. Тут мастер Зан не подвел. Женщина всегда остается женщиной, даже если она умерла, вот и Кара, позабыв обо всем на свете, с упоением примеряла пару за парой. Ей хотелось всего и сразу, но здравый смысл требовал остановиться на одном варианте. И опять-таки, как всякая женщина, не ограниченная в средствах, Кара выбрала самый непрактичный, но идеально подходивший к наряду.

– Ну и кто тут королева бала?

Вытянув ногу, она с упоением рассматривала туфельки на высоком каблуке. От улыбки сводило скулы, но такая боль Каре нравилась. Даже овдовев, она не ощущала себя такой счастливой. Пусть через пару минут жестокая реальность напомнит о насущных проблемах, но без таких вот моментов жизнь пуста и непроглядна. А ведь у Кары прежде их не было. Пожалуй, стоит поблагодарить непутевого некроманта. Однако это с него ответственности не снимало, работу надо выполнять качественно и в срок.

– Ну вот, – Кара прошлась по разоренной лавке и прищелкнула каблуками, наслаждаясь глухим звуком, – можно и в люди, только сначала приберусь.

Может, она и покойница, но воспитания не растеряла. Кара отыскала в подсобке тряпку и тщательно затерла кровавые следы. После подмела осколки и выбросила их в мусорное ведро. Коробки разложила по полкам, а аркебузу оставила в качестве платы – писать записку она на этот раз не стала.

– Надеюсь, мастер Зан не слишком рассердится.

Кара поправила вуаль и направилась к выходу… чтобы нос к носу столкнуться с владельцем лавки. Вот тебе и сонный город! Позади раскрасневшегося сапожника стояли двое солдат.

– Доброе утро! – вежливо поздоровалась Кара.

Она хотела расспросить про здоровье детей мастера Зана, своих бывших учеников, но вовремя сообразила: лучше не стоит. Вместо этого она осведомилась у хмурых стражей закона:

– Не подскажете, как найти некроманта? Он ведь в Осине один?

Солдаты изумленно переглянулись и, спохватившись, наставили на Кару дула мушкетов.

– Вы дурно воспитаны, господа, – стрелять в даму, – покачала головой молодая женщина.

Год назад стража себе подобного не позволяла. Схватить за руки – да. За волосы – в крайнем случае. Но чтобы держать на мушке!..

– А вы не дама, вы воровка, – нашелся один из солдат.

– И причинили ущерба на сотни золотых! – добавил мастер Зан.

От волнения его лицо стало похожим на свеклу. Нельзя же так, из-за какой-то витрины может случиться удар.

– Сотни золотых? – подняла брови Кара. – Туфли стоили двенадцать, ничего другого я не брала. Вставить и изготовить стекло – еще золотой. Итого – тринадцать. Как видите, сотня не набирается.

– Она еще и издевается!

Лицо сапожника окончательно сравнялось цветом с корнеплодом. Молодая женщина всерьез испугалась за его здоровье, предложила присесть и выпить воды.

– Не беспокойтесь, я никуда не уйду, – заверила она и скрылась в подсобке.

Солдаты вновь переглянулись. Никогда прежде им не попадались подобные воровки. Дама под вуалью позорила старинную профессию. Где слезы, попытка к бегству, отрицание вины и оскорбления слуг закона? Если дальше так пойдет, она еще и деньги за причиненный ущерб на прилавке оставит.

– Смотри! – Один солдат ткнул в бок другого, указав на аркебузу. – Ну и древность! Как думаешь, это дамочки?

– Ну не мое же! – взвизгнул владелец лавки и напустился на стражей: – Идиоты, за что вам только деньги платят?! Вы ее упустили!

– Да не, – прислушавшись, покачал головой солдат и, оттеснив сапожника, ввалился в лавку. – Посудой гремит, здесь еще.

Положив мушкет на прилавок, он склонился над аркебузой и долго вертел ее в руках.

– Слышь, – обратился солдат к товарищу, – это ведь Арта! Он еще хвастался, что по дешевке купил ее у комиссованного сержанта.

– Дай-ка!

Второй солдат тоже оставил за спиной раздраженного хозяина лавки и, бросив оружие, взялся за аркебузу. Окончательно потерявший веру в торжество закона мастер Зан плюхнулся на банкетку, ждать обещанной воды. Ее вскоре принесли. Странная девица, перепутавшая времена года и утро с вечером, заботливо вручила ему стакан и посоветовала беречь себя. Солдаты не обращали на нее внимания, увлеченные старинной игрушкой.

– Можете забрать, – Кара легко и просто распорядилась чужой собственностью, – мне она больше не нужна.

И так плечо ныло, хватит, наносилась!

Мастер Зан лишь махнул рукой и отвернулся. Нужна ему железяка! А вот солдаты заинтересовались, дружно обернулись к Каре.

– Где вы ее взяли?

Мясистый палец ткнул в ствол аркебузы.

Женщина пожала плечами. Разве это так важно? Внутри заворочалось беспокойство. Что, если ее действительно арестуют? Отправляясь за покупками, Кара думала о чем угодно, кроме тюремной камеры.

– Я все оплачу! – поспешила добавить она.

Кара Барк порядочная женщина, она никогда не нарушала закон. Вот и теперь можно взять немного из наследства и отдать. Не объяснишь ведь тому же мастеру Зану, что она торопилась и не могла дождаться открытия магазина. Он бы первый ее на порог не пустил, владелица модной лавки – тоже. И что тогда, прятаться неделями на кладбище? Это не жизнь и не смерть, а недоразумение какое-то! Тут ей подумалось, что тюрьма тоже может оказаться недожизнью. Мелкие дела разбирались без присутствия обвиняемого, Кару бы заперли в камере на несколько месяцев. Да за это время некромант трижды сбежит из города! А если увидят ее лицо? О, тогда ее вовсе не выпустят, забудут, и Кара умрет от голода. Нет и нет никаких пыток и мук! «А вдруг я и после них не умру? – закралась шальная мысль. – Вдруг там что-то повредилось, и без ритуала не вернуться за Грань?» Тогда тюрьма и вовсе превращалась в бессмертие в четырех стенах.

– Через дверь вы не могли войти? – сокрушенно поинтересовался мастер Зан.

Он немного успокоился, остыл и задумался о насущных делах. Если завьюжит, товар придется выбрасывать, не выдержит хрупкая кожа натиска зимы.

– Не могла, – покачала головой Кара, – срочно требовались туфли.

Она приподняла юбку и показала голые ноги в щегольской обновке.

– Откуда вы только взялись на мою голову?! – продолжал вздыхать сапожник.

Прилично одета, складно говорит, в моде разбирается – выбрала ведь не самую дорогую модель, а самую элегантную, – и взломала лавку. Может, она сумасшедшая? Час от часу не легче! Ну, конечно, сумасшедшая, вышла из дома без пальто. И почему нагрянула именно к нему, чем только мастер Зан прогневал небеса? Теперь еще искать родных, возвращать беглянку.

– С кладбища, – простодушно ответила Кара.

Казалось, даже часы на башне муниципалитета ненадолго остановились. Аркебуза выпала из рук солдата и таки совершила главную свою миссию – отдавила ему ногу. Несчастный завыл и, матерясь, запрыгал по лавке. Его товарищ посмурнел и потянулся за мушкетом. Мастер Зан тоже нехорошо подобрался, будто раздумывая, чем запустить в нахальную нежить.

– Я пошутила, – женщина попыталась сгладить впечатление от неосторожных слов. – Мы живем неподалеку от кладбища, вот и привыкла говорить, что с погоста.

Обувщик выдохнул, солдат сплюнул и засунул оружие за пояс.

– Вас, наверное, проводить нужно, дамочка, заодно деньги стребовать. Сколько тут? – Служивый покосился на владельца магазина. – Или таки в участок ее?

– Не надо в участок, – вздохнул мастер, окончательно смирившись с дурным началом воскресного дня. – Тринадцать золотых, вы же слышали.

– Ну и нам за труды. – Солдат занимался откровенным вымогательством. – Зря потревожили, от дел отвлекли.

Владелец обреченно достал из кармана кошелек.

– Кругом грабят! – посетовал он, не желая расставаться со звонкой монетой.

– Так это за спокойствие, государству.

Слуга закона ловко выхватил из чужих пальцев блестящий кругляшок, проверил на зуб и кинул в мошну.

– Аркебузу мы тоже заберем, проверим, чья она. Ну, счастливо оставаться! – Солдат приложил пальцы к шапке. – Хорошей торговли!

Мастер Зан кивнул, хотя сомневался, что продаст сегодня хотя бы пару обуви.

Товарищ ушлого стражника оправился от оказии и огляделся в поисках Кары. Однако она успела сбежать, справедливо рассудив, что вооруженный конвой к несуществующему дому ей не нужен. Миновав пару кварталов, женщина остановилась и прислушалась: погони нет. Вот зачем ляпнула про кладбище? Впредь надо думать и помнить: правда – хорошо, а с ложью живешь дольше.

Ноги в туфельках мерзли, скользили по накатанному снегу, но Кара не собиралась с ними расставаться. Она направлялась к дому дяди, чтобы высказать накопившиеся претензии и забрать пару вещей, если сохранились, своих, если нет, тетка не обеднеет. Некромант все-таки незнакомый мужчина, нельзя являться к нему голодранкой. Помнится, родственники всегда ее наряжали перед приходом очередного кандидата в мужья, а теперь Кара и вовсе идет на главное свидание в новой случайной жизни. Когда женщина добрела до знакомой улицы, туфли полнились снегом, а ступни потеряли чувствительность. Ухватившись за забор, Кара растерла их и в очередной раз помянула некроманта. Однако и второй мужчина хорош! Дал стрекоча и не предложил даме куртку. Кара в полной мере успела оценить силу морозца. Казалось, даже кости звенели от холода, зубы стучали, а кожа давно приобрела мертвенно-бледный оттенок.

– Определенно, некромант – садист, мазохист и идиот в одном лице! – Кое-как отогревшись, Кара побрела по утоптанной тропинке вдоль домов. – Я без высшего образования и то понимаю, зимой по кладбищам не скачут. Да на него надо в муниципалитет заявить, он опасен для общества! Страшно представить, что сотворит этот недоучка, когда над городом нависнет реальная угроза.

Перед домом дяди играли незнакомые дети: мальчик и девочка. Они слепили снежного человека и горячо спорили, какого он вышел пола. Кара поставила бы на средний, пожалела бы приписать получившегося косого уродца к мужчинам или женщинам.

– А где Оливер?

Молодая женщина недоуменно рассматривала детей. Они не походили на племянников, даже отдаленного сходства нет. К тому же у дяди трое девчонок, сыновей нет. Старшая, наверное, уже просватана. Дети замерли и в свою очередь уставились на Кару. Мальчик смотрел свысока, пытаясь казаться взрослым и умудренным. Девочка поглядывала со смесью страха и интереса. Особенно ее волновал наряд незнакомки.

– Оливер Стен, – терпеливо повторила Кара.

Наверное, дети – троюродные племянники или какие-то другие дальние родственники, поэтому она их не знает.

– Никакого Оливера Стена здесь нет, леди, тут папа живет, – важно ответил мальчик.

Леди. Пусть произнесенное детскими устами, слово грело сердце. Прежде Кару в лучшем случае величали госпожой, но чаще «эй ты!» или «дамочка».

– А как зовут твоего папу?

Молодая женщина подошла ближе и присела на корточки перед мальчиком. Сестра боязливо спряталась за его спиной.

Привлеченная разговором, из окна высунулась соседка. Ее Кара помнила – кухарка в доме местного банкира.

– Вы Оливера Стена ищете? – окликнула она бывшую покойницу.

Не вспомнила. Да что там, Кара сама себя в зеркале не узнала, совсем другая стала. Оставался голос, только вот женщине хотелось сохранить инкогнито: мало ли? Поэтому она просто кивнула.

– Так они год, как переехали, – поведала словоохотливая соседка, тщетно пытаясь разглядеть лицо Кары под вуалью. – Как племянница их померла, дом продали и переехали.

– Куда?

Вопрос вырвался птичьим карканьем. Сердце заныло, кулаки сжались. Вот, значит, как! На надгробную плиту поскупились, а сами на ее деньги…

– Так в дом к ней. Чего пустовать-то? От племянницы наследство хорошее осталось, единственно, с братом делить пришлось, ну да Оливер как-то дело

обставил, что ему больше вышло.

Ненависть к дяде росла, словно подпитываемое сухостоем пламя. Правильно она записала вещи на его имя, а Кара-то думала, стеснялась!

– И то верно, зачем солдату деньги, – продолжала разглагольствовать соседка. – Убьют, кому достанутся?

– Сестрам, – мрачно ответила Кара.

Побелевшие пальцы сжались в кулаки. Плавала бы в безвременье за Гранью и ничего бы не знала. Зачем некромант воскресил? Теперь в сто раз больнее, чем когда она по стеклу ходила или веревку трогала. Родные люди!.. А как копнешь, так хуже врагов.

– Девкам? – рассмеялась собеседницам. – Хватит с них приданого, все равно в другие семьи уйдут. У Оливера своих три штуки, куда ему еще чужих содержать? Нет, денежки в семье должны оставаться, доход приносить. Оливер на них маслобойню купил.

Соседка говорила бы дальше, но Кара не желала ее слушать. Сухо поблагодарив, молодая женщина побрела прочь. Она умело пресекла попытки любопытной кухарки выпытать свое имя: знакомая, мол, давно не навещала. Планы Кары несколько изменились: она хотела изменить распределение наследства. А не выйдет, пусть некромант в качестве компенсации за моральные страдания воскресит ненадолго мужа. Потребуется, Кара сама рукой покойника водить будет, лишь бы остаться без средств. Ничего, умереть можно и на съемной квартире, на том свете деньги не нужны.

Где-то на половине пути Кара сообразила, что с ней творится нечто странное, хотя, если разобраться, любое ее действие – несусветная странность. Но эта, пожалуй, самая главная. Она не обморозилась! Мерзла, дрожала, но не погружалась в приятное состояние сонного небытия. «А ведь верно! – Молодая женщина остановилась, поправила прилипшую, увлажнившуюся от дыхания вуаль. – Я часами лежала на снегу, сейчас на мне только платье – и ничего. Ноги и руки не отнялись, глаза не закрываются». Напрашивался один единственный вывод – воскресшая покойница стала бессмертной. Экспериментировать и проверять, подействует ли на нее веревка или, скажем, утопление, Кара не

собиралась. Любой результат бы ее не устроил. Нахлебаться воды и умереть от удушья – одинаково сомнительная перспектива. «Ладно, хотя бы чинно в гроб лягу, а не скорчусь под забором», – утешила себя молодая женщина. Во всем нужно искать плюсы.

За год, прошедший с ее смерти, бывший скромный домик вдовы преобразился и теперь напоминал самый настоящий особняк, только без каменных драконов или василисков перед входом. С помощью чужого наследства дела у дяди пошли хорошо, раз он сумел расширить первый этаж и надстроить второй. Каменный, под блестящей черепичной крышей, дом манил глаз. От садика, в котором Кара нередко спасалась от назойливых поклонников, тоже ничего не осталось, зато появилась важная латунная табличка у почтового ящика. Прогулявшись вдоль фасада и убедившись, дядя добился своего, пустил соседям пыль в глаза, молодая женщина направилась ко входу. На стук ответили не сразу, Каре пришлось барабанить снова и снова, чтобы дверь приоткрылась, явив заспанное женское лицо неопределенного возраста. Рыжей крашенной незнакомке с равным успехом могло оказаться и двадцать, и сорок, но в одном Кара не сомневалась, жизненного опыта у визави на все шестьдесят.

– Что надо? – грубо спросила женщина. – Воскресенье, нормальные люди спят.

– А я ненормальная и не человек, – нашлась Кара и плечом отодвинула остолбеневшую рыжую с дороги.

Она могла бы поднять вуаль и доказать справедливость своих слов, но решила повременить с тяжелыми аргументами. При всем нахальстве, у женщины могло оказаться слабое сердце.

– Эй, куда!

Спохватившись, рыжая преградила Каре дорогу. Воскресшая покойница ответила вопросом:

– А вы кто?

Женщина в зеленом халате с жуткими розочками не растерялась:

– А вам кто нужен?

– Оливер Стен.

– Так я его жена, – важно раздулась любительница розочек и презрительно осмотрела продрогшую гостью. – Богадельня в другой стороне.

– Спасибо, я не тороплюсь. Оливер уже встал?

– Да послушайте вы!..

Тут уж Кара не выдержала и с кривой улыбкой, на иную ее мышцы оказались неспособны, подняла вуаль. Эффект вышел ошеломительный, молодую дядину супругу – выходит, с прежней он развелся – как ветром сдуло. Молодец, крепкая: в обморок не упала, ни звука не издала. Остановившись против зеркала в прихожей, Кара со вздохом вернула вуаль на место и направилась наверх. Она полагала, спальня находится именно там, подальше от шума и суеты. Если дядя стремился подражать аристократам, то и дом обустроил соответственно. Помнится, господин Барк тоже не спал на одном этаже с кухней. Раз жена не успела переодеться, ее супруг тоже пока в кровати. Так даже лучше, вряд ли дядюшка станет прыгать со второго этажа. Интересно, а куда делась его рыжеволосая супруга? Вариантов два: или она забилась под стол, или ищет справедливости у стражей порядка. По известным причинам первое Каре нравилось гораздо больше.

Оливер брился, когда к нему без стука пожаловала гостья с того света. Она предусмотрительно придерживала вуаль – кровавая драма в ее планы не входила.

– Кто там? – недовольно буркнул хозяин и неохотно отложил лезвие. – Джиневьева?

– Не угадали, – беззаботно отозвалась Кара и плотно притворила дверь, – всего лишь ваша племянница.

– Денег нет, проваливай! – грубо ответил Оливер и вернулся к прежнему занятию.

Раз – и посреди плотной пены образовалась гладкая ровная дорожка.

– Вы не поняли, – молодая женщина бесцеремонно уселась на разобранную постель, – я другая племянница. Та, которую вы похоронили и на деньги которой сейчас живете.

Бритва выпала у мужчины из рук, каким-то чудом не причинив вреда. Оливер затрясся и обернулся к Каре. Та еще раз убедилась, совесть у него нечиста.

– Глупая шутка, леди! – Однако он пытался держать лицо.

– Мне и «госпожи» хватит, – заметила молодая женщина и посетовала: – Помнится, при жизни вы называли меня исключительно «дурой» и «неблагодарной зазнайкой».

Лицо Оливера стремительно меняло цвет. Примерив несколько оттенков, оно остановилось на зеленом, хотя с рубашкой лучше бы сочетался красный.

– Кто вы? Кто вас вообще пустил?

Дядя набросился на племянницу с кулаками, но та извернулась, оказалась за его спиной.

– Рыжая особа. К сожалению, мы не представлены. Когда я умирала, вы еще жили с Этель. Теперь, как посмотрю, – Кара усмехнулась и взялась за край вуали, готовая в любую минуту явить свой лучезарный лик, – и мать, и дети забыты, их променяли на маслобойню.

– Вон!

От крика Оливера зазвенели стекла, однако гостья не собиралась никуда уходить. Медленно, очень медленно она подняла плотную ткань.

– Любуйтесь!

Дядя с грохотом рухнул на пол. Он никогда не считал себя набожным человеком, но разом вспомнил молитвы ко всем высшим существам мироздания и даже

сочинил парочку своих.

– Да прекратите вы себя щипать! – Каре надоели глупые попытки обратить все в сон. – Я никуда не денусь. Лицо мое тоже. Извините, покойница не первой свежести, а некромант не большого ума, поэтому что есть, то есть. А хотелось бы лежать в уютной могиле, на которую вы, уважаемый дядя, поскупились.

Оливер не ответил и резво пополз на четвереньках под кровать. Как женщина ни пыталась его выманить, дядя ни в какую не соглашался. Пришлось забыть о духовных потребностях и заняться материальными. Кара распахнула дверцы шкафа и оглядела гардероб новой тетки. Многое она бы не надела, но кое-что сойдет. Брать чемодан на тот свет – дурной тон, поэтому возлюбим минимализм. Плечи согрело меховое пальто, пальцы утонули в муфте. Менять туфельки на сапоги Кара не стала – нужно иметь хоть какое-то уважение к мастеру Зану и оправдать погром его магазина. А вот сумочку она возьмет, не в руках же деньги нести! А без них молодая женщина не уйдет.

– Дядя, вы ведь охотно одолжите мне немного, правда?

Кара широко улыбнулась, отчего лицо Оливера пошло яркими пятнами.

– Ты же труп! – Несчастный отказывался верить в пугающую реальность. – Ты давно сгнила!

Бывшая покойница принюхалась. От нее пахло землей, но не гнилью.

– Труп, не труп, а хожу и разговариваю.

– Что б тебе к матери окаянной отправиться! – сквозь зубы процедил дядя.

И это о любимой сестре! Совсем деньги человека испортили. Положим, к матери Кара собралась, но несколько позже. Вдобавок, сомневалась, будто по желанию живых родственников покойницам разрешат встретиться. Матери Кары не стало месяца за три до ее собственной кончины, хотя бы там на могилу не поскупились.

– Можно ванной воспользоваться? Хочется смыть кладбищенские ароматы – как-никак, на свидание иду.

– С кем?

Краски схлынули с лица Оливера, превратив его в заготовку для фарфорового болванчика.

– С мужчиной моей судьбы.

Кара предпочла не распространяться о цели будущего визита. Зная дядю, он мог все испортить.

– Так мне можно в ванную?

Оливер гулко сглотнул и кивнул.

– Я быстро! – пообещала Кара. – А вы пока деньги подготовьте. Сколько наличных найдете, столько и отдайте: они все равно почти все мои.

– Нет, мои!

Алчность таки победила страх, и дядя ринулся на защиту своих кровных. Остановило его только вкрадчивое обещание племянницы: «Рядом закопаю». В итоге дядя таки, в чем был, шагнул в окно. Кара проверила: не убился, только ногу то ли сломал, то ли вывихнул. Посетовав на хлипкие нервы любителей наживы за чужой счет, молодая женщина обшарила комнату на предмет тайника. Она не сомневалась, Оливер спрятал деньги в одном из стандартных мест – он тянул только на недалекого злодея. С мечтой о ванне пришлось распрощаться, стерпит некромант как-нибудь экзотический дух. Деньги Кара готовила для него. Она не оставила мысли подложить дяде свинью.

– Однако, мне пора, – прислушавшись, заметила молодая женщина. – Солдаты на подходе, а дядина жена визжит не хуже свиньи, издалека слышно.

К тому времени карманы пальто набили хрустящие пачки королевского займа, которые Оливер столь неосмотрительно спрятал в постельном белье. Убрать их в

сумочку молодая женщина не успела – помешала расторопность рыжей Джиневьевы. Да и саму сумочку пришлось оставить. А жаль, она подходила к платью. Выйти через дверь Кара не успевала, оставалось окно. Только прыгать покойница не желала, благополучно вылезла через кухню в соседний переулок. Там уж все зависело от быстроты ног, а в некоторых случаях люди (и нелюди) способны ставить рекорды.

Глава 3

Некромант отправил в рот бутерброд и пожалел, что вместо кровяной колбасы на нем не красная рыба. Увы, даже в приморском городе финансы не позволяли играть в завтрак аристократа. Впрочем, кое-что дворянское молодой человек мог себе позволить – он выпивал с утра. Не шампанское, самогон, но с утра же! Повод имелся весомый. Целых два. Во-первых, Турс Абри лишился солидного аванса и перспективы выбраться из замкнутого круга «работа-съемное жилье». Во-вторых, по кладбищу бродило невесть что, которое в конечном итоге заставят упокоить именно его. Только вот Турс понятия не имел, как это сделать.

– Решено: подаю документы на бытовика!

Буль-буль, и стакан снова полон.

– Второе высшее – это же круто! К демонам зомби, вонь, опасность, лучше кастрюли магией чинить.

Некромант с тоской отправил в рот последний кусок колбасы. Закуски больше не осталось. Можно спуститься вниз, попросить хозяйку поделиться теми же яйцами, но отношения с ней не сложились с самого начала. Примиряли парочку только деньги. Вдове требовался жилец, а Турсу хотелось сэкономить. В итоге они нашли друг друга и в горести жили вместе второй год.

– А вдруг она сама в прах обратится? – Некромант не терял надежды закончить все с минимальными физическими и душевными затратами. – Ритуал ведь я не закончил, выходит, свалится где-нибудь замертво. Сторож найдет и похоронит.

Разум упорно отказывался принять факт, что хоронить-то как раз придется Турсу. Хотя бы потому, что вылезшие из могилы трупы – не рядовое явление, забота о них в должностные обязанности сторожа не входила.

Когда на лестнице послышался шум, Турс не обратил внимания. Когда снимаешь угол в доме с тремя детьми, и все трое – мальчишки, к грохоту привыкаешь быстро. Опять играют в войнушку, носятся вверх-вниз, путаясь под ногами. Главное, чтобы к нему не ввалились, но тут некромант подготовился, соврал, будто держит в комнате артефакт, от которого ввалятся носы и выпадут зубы. Несмотря на врожденное любопытство, дети искать таинственный предмет не стали, во многом потому, что молодой человек обещал потом закопать их на кладбище. Погоста ребятня боялась.

В дверь постучали.

Турс неохотно оторвался от выпивки и закуски и недовольно рявкнул:

– Ну, кто еще?

Наверняка явились от следователя, взглянуть на труп очередного выпивохи. Мерли бы себе тихо в постели, так нет, то на реку понесет, то в чистое поле! После вчерашнего, а точнее, нынешнего, ритуал совершался ровно в полночь, покойники вызывали в Турсе смешанные чувства. Нет, ненавидел он их по-прежнему, а теперь еще и побаивался. И вот, желая покуражиться, судьба решила вышибить клин клином, то есть столкнула некроманта с предметом своих кошмаров.

Дверь с противным скрипом отворилась, явив леди. Такой место в экипаже, в лавке модного платья, но никак не в каморке провинциального некроманта. Смущенный Турс подскочил, заметался по комнате, пытаясь скрыть следы неблагородной попойки. Такой шанс представился, может, он всего один раз в жизни выпадает, а молодой человек с объедками и бутылкой. Спасибо, не в трусах, а то впору со стыда закопаться в давешнюю разрытую могилу.

– Простите! – проблеял Турс, разом растеряв былую обходительность со слабым полом.

Местные девушки непривередливы, подари колечко и наслаждайся юным телом. Другое дело, что и на колечко нужно заработать, а с этим у некроманта часто возникали проблемы. Эх, получи он гонорар за Летицию, любил бы сейчас двух красоток одновременно, а третья бы его ласкала! Устроились бы они в лучшем номере гостиницы, с шампанским… А вечером снял бы новых девочек, и так каждый день. Мечты! Увы, они растворились вместе с карканьем ворон на кладбище – Турс перепутал могилы. Подумать только, выбери он левую, купался бы в неге и обожании, а не выслушивал бы оскорбления от заказника. Спасибо, тот в силу щекотливых причин не мог подать в суд, иначе, раздетый до нитки, Турс сам бы торговал телом в порту. Обошлось!

Женщина под вуалью едва заметно усмехнулась. Некромант угадал это по легкому движению ткани.

– Вот!

Отыскав чистый табурет, Турс предложил его посетительнице. Он не придумал ничего лучше, чем завязать скатерть узлом, те самым хоть как-то скрыв следы холостяцкой попойки неудачника.

– Вы по какому вопросу? – деловито осведомился некромант, напустив на себя побольше важности.

Приосанившись, он выпятил грудь колесом и небрежно заложил большой палец за ремень брюк.

– По личному, – после короткого раздумья, ответила посетительница и таки опустилась на табурет. – Очень личному, я бы сказала, – подчеркнула она.

Заинтригованный, Турс бесстыже пялился на нее. Неужели таки привалило счастье? И где, в этой дыре! Женщина, конечно, со странностями: вуаль не снимает, зимой ходит в туфельках, но, главное, при деньгах! Общаясь со слабым полом, некромант знал цену вещам, во многом потому, что ему приходилось в качестве подарков покупать пассиям чулки и другие предметы гардероба. Или торчать в лавке, пока те сами не выберут и не потребуют кошелек. Женщины – сущее разорение! Пятнадцать минут удовольствия за месяц изнурительного труда!

– Я весь внимание, миледи.

Турс прищелкнул каблуками, как делали офицеры на балу. Жест казался ему эффектным, признаком особого великосветского шика.

– Тогда начнем с вопроса. Другого некроманта в Осине нет?

Молодой человек ответил отрицательно.

– Прекрасно! – оживилась незнакомка и коснулась мочки уха. – И вы сегодня, конечно, не были на кладбище?

Голос ее сочился медом и заставил Турса насторожиться. Да и вопрос тоже. Неужели перед ним еще одна родственница Летиции Монк, скажем, вторая племянница усопшего дядюшки? Тогда он мог бы сорвать куш, но пока решил действовать осторожно:

– Разумеется, не был. У нас покойники тихие.

– Совсем ничего не происходит? – не унималась женщина.

Тут уж Турс нахмурился. Разонравился ему разговор. Пришла бы ради Летиции, давно бы намекнула на работу, а тут допытывается, будто преступление расследует.

– А вы, простите, кто? – Этим надлежало поинтересоваться с самого начала. – Новая служащая муниципалитета?

– Я, уважаемый, старая и бывшая. Да мы с вами знакомы. Вы молоды, на память вряд ли жалуетесь, хотя после сегодняшнего я сомневаюсь.

Вконец обескураженный некромант во все глаза уставился на гостью. Нет, если бы он где-нибудь видел, непременно бы запомнил. Она дама эффектная, таких Турс не пропускал, хотя денег хватало исключительно на подруг иного толка.

– Не признаете?

Молодой человек побился бы об заклад, она улыбалась.

– Нет. Увы! – Турс развел руками.

– Тогда я вам помогу.

Женщина поднялась и отчего-то заперла дверь изнутри. Подумав, проверила шпингалет на единственном окне и только тогда остановилась против заинтригованного зрителя. Пальцы ухватили за вуаль, открыв, наконец, лицо. Только некромант предпочел бы, чтобы оно и дальше оставалось закрытым. Икнув, он отшатнулся от Кары – к нему пожаловала именно она – и едва не опрокинул стол. Посуда жалобно зазвенела.

– Вижу, признали. – Неполноценно восстановленные мышцы сложили губы в кривую усмешку. – И результат не понравился. Представьте, мне тоже.

– Но вы покойница, вам все равно! – ляпнул Турс.

В затуманенной голове творился хаос, выпускник Магического университета не мог вспомнить ни одного заклинания. На помощь пришла вилка – ей некромант собирался обороняться от собственного творения.

– Представьте, нет.

Кара осторожно коснулась лица и поморщилась. Даже на ощупь отвратительно.

– Куда? – рявкнула она, когда, воспользовавшись тем, что женщина отвлеклась, Турс попытался пронзить ее вилкой.

Некромант позорно рухнул на пол, выронив незатейливое оружие. Оно отлетело под кровать, теперь, чтобы достать, придется подставить тылы. Оставался нож, но его еще нужно отыскать в начинке своеобразного пирога из посуды и скатерти.

– Значит, так, – Кара нависла над притихшим молодым человеком и уперла руки в боки, – исправляй ошибку, некромант, а то худо будет.

С отчаяньем смертника и громким воплем, призванным вселить и ужас в ожившую покойницу, Турс обрушил на голову Кары табуретку. Та лишь пошатнулась и пожаловалась: «Больно же!» Несчастный некромант в недоумении переводил взгляд с обломком мебели на гостью с того света. Любой человек бы потерял сознание, а этой ничего.

– Я, похоже, бессмертная, – обрадовала невольного создателя Кара.

Турс тоненько завыл и попытался ударить себя ножкой табуретки по голове, очевидно, чтобы трусливо сбежать в небытие. Молодая женщина не позволила, отняла и назидательно заметила:

– Не умеешь, не берись.

– Это я не умею?! – вскипел некромант и вновь ринулся в атаку.

На этот раз в качестве оружия он избрал нож, благо Кара не мешала, позволила порыться среди посуды. Былая догадка относительно своего нового бытия практически превратилась в уверенность, не хватало лишь финального доказательства. Турс провел эксперимент честь по чести, вонзил нож прямо в грудь. Выступила кровь, однако покойница не спешила умирать. Прошла минута, другая, она все так же стояла и укоризненно смотрела на неумеху.

– Отстирывать сам будешь. – Женщина ткнула пальцем в пятно. – И зашивать тоже. А еще лучше новое платье купишь, ты мне кругом должен.

Убедившись, что бесовское создание живуче и его вряд ли возьмет даже огонь, некромант растерял остатки самообладания. Он натуральным образом голосил, не забывая проклинать тот день, когда подал документы в университет.

– Странно, что тебя вообще взяли, – философски заметила Кара и, принюхавшись, направилась к столу. Выпить бы сейчас не помешало. – С такими способностями только дворы мести.

– Нормальные у меня способности! – обиделся Турс, на время прекратив свой концерт.

– Да? – приподняв две тонюсенькие бровки, усомнилась молодая женщина. – Докажи! Пока я ни одного заклинания не видела. Ритуал тоже по бумажке проводил?

Замечание попало в цель: на щеках некроманта расцвели два красных пятна.

– Сейчас! – Он заметался по комнате, щелкая пальцами. – Сейчас все будет!

Кара не верила в успех его мозгового штурма, поэтому спокойно села за стол и развернула скатерть.

– Ты осторожнее с выпивкой, – она указала на бутылку, – без закуски остатки памяти растеряешь.

Ответом стало заклинание. Кара сначала испугалась, по-детски отгородилась рукой от снопа синеватых искр, но потом поняла, алкоголь сделал свое черное дело, слова Турс напутал.

– Щекотно! – пожаловалась она. – Я не заказывала сеанс иглоукалывания, я на кладбище обратно хочу, в родную могилу. И не по частям, а целиком, в подобающем обличье. Или доведи начатое до ума. По-твоему, с таким лицом можно жить?

Некромант считал, что Каре ни с каким жить не следовало, но предпочел оставить мнение при себе.

– Не могу! – сокрушенно развел руками он.

– Что не можешь?

Молодая женщина таки опрокинула стопочку – расшалившиеся нервы требовали. Изнутри поднималась волна раздражения. Да как такое, прости, Небесный Дух, существо на государственную службу устроилось? Положим, Кара знала, за взятку можно все, но это сколько надо дать! Дешевле нормального некроманта выучить. И, главное, какой толк? Ладно бы, сын богатого папеньки, так жилье хуже ее самого первого дома. Одет непотребно, обаянием не блещет – не человек, а энциклопедия недостатков.

– Ничего не могу, – проблеял Турс.

Впервые он ощущал себя полным ничтожеством. Ведь удавались же как-то практические занятия, почему здесь сплоховал? Не иначе, аномалия какая-то, или покойница особенная, заговоренная, тут простому выпускнику не справиться.

– И мужа моего поднять на пару часов тоже? – Кара не забыла о планах отомстить дяде.

– Нет! – замахал руками молодой человек.

При мысли о втором ожившем покойнике стало дурно, а еще запахло крупным денежным взысканием.

– М-да! – Кара одним междометием выразила отношение к происходящему.

– Может, вы уйдете? – с надеждой спросил Турс. – В море утопитесь? Вода ледяная.

Покойница качнула головой:

– Не помогает.

– Ну так вас к другому берегу вынесет, там другой некромант есть, – не унимался хозяин комнаты.

И как хорошо, как славно – подкинуть проблемы соседнему городку.

– Там-то есть, только муж мой тут. И могила моя тоже в Осине. Так что, маг, листай свои книжки, маши руками, но исправляй ошибки.

– А вам вуаль идет, – зашел с другого бока Турс.

– Выпорю! – пригрозила Кара.

Пусть перед ней взрослый человек, но вел он себя как ребенок, значит, и наказывать его следует как нерадивого ученика.

– Значит, не уйдете? – окончательно поник некромант.

День начался паршиво, продолжился еще хуже.

– Нет.

– А мне на работу надо.

Турс сделал шажок к двери, но Кара ловко его опередила и загородила единственный выход.

– Я бессмертная, – напомнила она.

Некромант не забыл и осознал всю бренность собственного бытия, причем, до такой степени, что надумал пойти в магазин посыльным. Хватит с него магии!

– Да не умею я! – с легким раздражением признался в профнепригодности Турс. – Если бы вы тихо лежали или зомби там, я бы с радостью. Тут тонкая работа, ювелирная, не каждый сможет. Вам бы к Верховному некроманту…

– И он поможет? – оживилась молодая женщина.

Владелец комнаты активно закивал.

– Зуб даю! Чтобы Верховный да не справился? Он все может и мужа вашего на расстоянии подымет.

Кара крепко задумалась. Юнец, конечно, всеми силами пытался отделаться от назойливой гостьи, но стоит ли тратить на него время, если можно обратиться к грамотному специалисту? Жизнь и так Турса наказала, пусть дальше творит косорукие ритуалы, убогий. Рано или поздно себя угробит.

– И где твой Верховный живет? В столице?

Как любой житель Скадара, Кара слышала о Верховном некроманте, де-факто втором лице государства. Министры так, для галочки, все понимали, к кому король прислушивается на самом деле. Да и как остаться глухим, если Верховный владел черной магией? Поговаривали, будто он превращал врагов в мумии: глянет и высушит. Образованная Кара в россказни не верила, но за глаза уважала графа Мориса Экундо.

– Там, там! – энергично закивал Турс и мысленно выдохнул. Избавился-таки! – В столице каждый его резиденцию знает.

Только вот до нее нужно сначала добраться.

– Деньги давай! – Воскрешение лишило Кару былой скромности. Какой в ней толк, если в прошлой жизни она приносила лишь неприятности. – Или мне к твоему начальнику пойти, все рассказать?

Шантаж сработал, карманы пальто пополнились новыми монетами. Чтобы они не порвали подкладку, женщина выпросила у Турса поясной кошелек и ремень. Некромант отдал бы последние штаны, лишь бы вновь остаться в одиночестве. Кара исполнила его мечту и, пересчитав монеты, распрощалась. Оставалось надеяться, навсегда. Второго свидания с ней Турс бы не выдержал. Впрочем, ожившая покойница сама не собиралась снова подниматься на второй этаж в высшей степени сомнительного жилища. Да и вряд ли какой-то гость порадуется хозяину, который попеременно тычет в него ножом и вилкой. Пусть Кара не умерла, но грудь ощутимо болела, отзываясь на каждый порыв ветра. Прижав руки к вырезу пальто, молодая женщина гадала, поможет ли ей обычное лекарство. Взглянуть бы, что на месте раны, но Кара не решалась. Она опасалась увидеть дыру или нечто похуже.

Ожившая покойница свернула к аптеке, когда краем глаза уловила движение. Инстинктивно, даже не успев подумать, Кара прижалась к стене и прислушалась: солдаты! И не одни – она отчетливо слышала писк Джиневьевы. Какой же у нее противный голос, когда она волнуется! Да и в обычном состоянии не соловьиное пение.

– Совсем о них забыла! – раздосадовано вздохнула Кара.

Увлеченная поисками некроманта, она запамятовала, что разыскивали ее саму.

Осторожно выглянув из-за укрытия, Кара увидела колоритную группу, разгуливавшую по Осину в поисках кладбищенской ошибки мироздания. Кого там только не было! И чего там только не было – на Кару охотились со всеми возможными видами оружия. Особенно ее впечатлили колья и вилы. Возглавляла разношерстную толпу солдат и горожан рыжая супруга дяди. Судя по долетавшим обрывкам ее слов, Кара представляла огромную опасность для всего королевства.

– Интересно, она хотя бы денег им обещала, или все на голом энтузиазме?

Молодая женщина в досаде покусывала губы. Охотники остановились аккурат перед аптекой, лишив гипотетической возможности облегчить страдания. Кара представила, как все эти колья, топоры и пули войдут в ее тело. Воображаемая картинка не понравилась. Ожившая покойница не могла поручиться, что выдержит столько боли.

– Нет, я не настолько хочу умереть! – помотала она головой.

С мыслями о новом платье тоже пришлось распрощаться. Кара понимала, что только чудом пока не попалась на глаза никому из охотников за головами. Оставалось считать организованную Джиневьевой погоню пинком судьбы и подумать, как можно быстро и незаметно выбраться из города. Ранение давало о себе знать, Кару чуть пошатывало, но она упрямо двигалась к цели – почтовой станции. Мысль о ней пришла в первую очередь. Молодая женщина старалась выбирать безлюдные улицы и безымянные закоулки. Быстро идти не поучалось: перехватывало дыхание, грудина ныла и требовала внимания. Но вот впереди забрезжила заветная цель.

Почтовая станция Осина находилась чуть в стороне от центра. Возле нее начинался большой тракт, называвшийся в черте города улицей Сподвижников. Кого или чего, история умалчивала. Большой крытый кассовый павильон и три навеса венчал государственный герб. Неподалеку на флагштоке колыхался потрепанный флаг.

Кара в нерешительности замерла. Надежды стремительно рушились: ни одного дилижанса, ни одной почтовой кареты. Но молодая женщина не сдавалась. Да и разве есть другой выход? Глупо надеяться, будто, если ты сядешь под деревом и станешь молить тебя не трогать, охотники пройдут мимо. Еще глупее полагать,

будто ты сумеешь спрятаться. Ослепленные идеей или, что гораздо эффективнее, привлеченные деньгами, люди чрезвычайно дотошны и обретают поистине собачий нюх. «Мне повезет, мне повезет! – как мантру повторяла Кара, торопливо пересекая небольшую площадь перед почтовой станцией. – Судьба, конечно, не знает понятия «справедливость», но даже самый жадный хозяин оставляет рабу маковое зернышко. Я пока зерен не получала, выходит, его выдадут именно здесь и сейчас».

Едва не растянувшись перед входом в кассовый павильон, Кара нажала на массивную ручку и вошла. Внутри было парко, она даже расстегнула пальто. И пусто, только двое мужчин отправляют письмо. Убедившись, что никто не бросился с нее с вилами, Кара направилась к кассе дилижансов. Почтовое ведомство занималось не только корреспонденцией, но и перевозкой пассажиров. В крупных городах их сажали в отходившие строго по расписанию кареты повышенной вместимости, в мелких – на почтовые повозки в обнимку с тюками. Осин занимал промежуточное положение, дилижансы здесь проходящие. Поздоровавшись, Кара вежливо полюбопытствовала, можно ли сегодня уехать из города.

– В воскресенье? – удивленно уставилась на нее заспанная женщина, до прихода посетительницы вязавшая чулок. – Все с семьями, какие тут дилижансы? Даже я, и то только до полудня работаю. На понедельник возьмите.

– Понедельник – это поздно, – вздохнула Кара.

Судьба таки оказалась жадиной и сочла смерть господина Барка тем самым зернышком.

Как только молодая женщина могла забыть о дне недели! Поэтому и люди спят, и продавцы не торопятся в магазины. Жизнь отомрет о ближе к вечеру, когда, может, и беседовавшая с ней кассирша выйдет с мужем посидеть за чашечкой горячего шоколада.

– Ничем не могу помочь! – развела руками женщина и взялась за прерванное вязание. – Думайте быстрее, у меня рабочий день заканчивается.

– Спасибо.

Хмурая Кара отошла от окошка и тяжело опустилась на скамейку. Жаль, что нельзя выкинуть почту и залезть в холщовый мешок! При всей отчаянности положения молодая женщина понимала, чем закончится подобная авантюра. В прежней жизни она много читала, герои любимых книг и не такое проделывали, но там вымысел, а здесь реальность.

– Я слышал, вам нужно уехать.

Кара подняла голову и встретилась взглядом с одним из мужчин, отправлявших письмо.

– Нужно, – осторожно согласилась бывшая покойница, гадая, что последует дальше.

– А куда?

Мужчина явно неместный: выдает акцент. В Осине округлые гласные, а тут резкие. И смуглый он, родился под палящим солнцем. Одет просто и немарко, сразу не определить, к какому сословию относится. Взгляд открытый, рук не прячет. Его товарищ осторожнее, но тоже загорелый, кареглазый. Оба невысокого роста, зато широки в плечах.

– Вообще уехать, – Кара рискнула ответить правду.

– Тогда, возможно, я смогу вам помочь, – подмигнул кареглазый. – Пусть не бесплатно…

– А я бесплатно и не соглашусь, – ощетинилась Кара.

Она ощутила угрозу, о которой успела позабыть. Некогда мужчины считали себя в праве рассчитывать на некие услуги взамен на помощь, а иногда и без нее, просто так, потому что хотели. А Кара… Она была симпатичной девушкой без положения и связей, то есть заведомо беззащитной и на все согласной. Пришлось научиться говорить «нет» так, чтобы даже глухой не спутал его с «да, но я поломаюсь», при этом не выходя за рамки дозволенного. Увы, поднять руку, оскорбить нельзя, незамедлительно последует расплата. В мужском мире женщине дозволено лишь бежать или соревноваться в красноречии. Кара

выбирала последний вариант и старалась не попадаться на глаза проверяющим. В школе достаточно учительниц, которые порадуются щипку за мягкое место. Кара их не осуждала. У каждого свои правила и свои обстоятельства. Словом, сейчас она отсекла один из вариантов оплаты.

– Простите, если оскорбил.

Мужчина попался понятливый и порядочный. Кара выдохнула. Раз так, можно иметь с ним дело, вот только пусть представится и расскажет, куда направляется. Оказалось, оба смуглых путешественника – купцы, привозили в Осин товары, теперь возвращаются обратно. Торгуют тканями, родом из центральной области Скадара.

– А до столицы от вас далеко?

Глаза Кары загорелись. Неужели то самое зернышко?

– Не очень, с неделю пути. На дилижансе быстрее.

Действительно, зернышко. И как тут отказаться? В итоге через пару минут Кара, надежно прикрытая мужскими спинами, шагала по улицам Осина к одной из семейных гостиниц. Она находилась чуть выше по улице Сподвижников, почти у выезда из города. Торговцев гостиница привлекла наличием подходящих складов неподалеку. Пока шли, познакомились. Более разговорчивый, старший компаньон, представился Эдом, второй – Яном.

– И от чего же бежит такая красивая леди? – не унимался торговец.

Кара с трудом удержалась от смешка. Тут со всеми словами проблема, и решается она покупкой очков. Разве леди надела бы такое пальто с такими туфельками? Ладно, у мужчин вкуса нет, нужно смириться, что для них деления на цвета и стили не существует, но красивая… Велика сила фантазии, дорисовавшая лицо под вуалью! Да если Кара ее поднимает, уложит своей красотой обоих, причем наповал.

– А вот отчего.

Молодая женщина обернулась и ткнула пальчиком в толпу, направлявшуюся к почтовой станции. Отсюда люди казались крошечными. Повезло Каре, уберегли высшие силы. Если бы она припозднилась или задержалась на площади… Какое счастье, что бывшая учительница мыслила на шаг вперед преследователей.

Прервав безмолвие, Ян присвистнул:

– Неужели за тобой? Что-то украла?

– Ага, спокойствие дядюшки. Ему очень нравилась кладбищенская тишина.

Да, будь воля Оливера Стена, Кару бы закопали футов на двадцать, а сверху придавили скалой. Интересно, к нему уже приходили недовольные владельцы лавок, предъявляли счета за мертвую племянницу? Ничего, и оплатит, и объяснится. Молодая супруга имеется, не придется лгать, будто тайком подрабатываешь в театре женскими ролями второго плана.

– И что же ты учудила? – хрюкнул Эд.

У мужчины с чувством юмора все в порядке, оценил каламбур. Эх, если бы он только знал, что слова надлежало понимать буквально…

– Поставила под угрозу финансовое благосостояние, вернулась не вовремя. Я ведь для всех мертвая, он и наследство получил.

Правда всегда лучше лжи, не запутаешься, заодно расположишь к себе собеседница. Вот и торговец посочувствовал, посоветовал подать на родственника в суд.

– Обязательно, когда окажусь в безопасности, – пообещала Кара.

Разумеется, ничего такого она делать не собиралась. Хватит с дядюшки позора, сердечного приступа и скромной денежной компенсации. На большее в ее положении рассчитывать сложно: правосудие всегда на стороне живых. Грела сердце сломанная дядина нога – вишенка на торте скромной мести.

Но вот они свернули на узкую улочку, проложенную вдоль складов, и Кара немного перевела дух. Осинцы не неслись следом с криком: «Убить мертвеца!», по-прежнему крутились у почты. Только молодая женщина туда не вернется, могут хоть до следующего года дожидаться. Наверняка часть солдат сейчас на кладбище, вторая рванула к некроманту – предсказуемо. Кара прослезится, если узнает, что они и дом бывшего мужа навестили. Будто у нее могла проснуться ностальгия по короткому браку без любви!

– Заходите, погрейтесь.

Эд толкнул дверь углового здания, боковым фасадом выходившего на улицу Сподвижников. Скромная вывеска сообщала, что здесь путник может найти еду и кров.

– Не откажусь от чашечки горячего чая, – улыбнулась под вуалью Кара. – А еще освежиться бы – дядя даже присесть не позволил.

– Конечно. Ян, поделимся комнатой с барышней?

Младший компаньон ничем делиться не собирался, но отступил перед натиском старшего, только едва слышно прошипел: «Деньги!» Эд одарил его подзатыльником: не стоит думать о бренном перед лицом прекрасного. В руки Кары лег старинный ключ.

– Мы скоро уезжаем, не взыщите.

– О, мне и получаса хватит, только умоюсь.

Хотелось добавить: «Грабить не стану», но молодая женщина благоразумно промолчала. Есть темы и люди, над которыми и с которыми не шутят. Ян и его выручка – одни из них.

Скрипучая лестница привела Кару в узкий коридор, в который с двух сторон выходили двери комнат. Ее интересовала шестая, номер торговцев. Внутри царил самый настоящий бардак – то ли привычное дело, то ли последствия спешных сборов. Переступив через сумку с одеждой, Кара пустила в комнату свежий воздух: не помешало бы проверить. Содержавшая гостиницу семья

экономила на всем, поэтому открывалась только форточка. Страшно представить, как сильно нагревалась небольшая комнатка летом! Кара померила, от стены до стены четыре шага, еще пять в длину. Две кровати, стул, тумба, умывальник за ширмой. Удобства в коридоре, здесь бы они просто не поместились. Скинув пальто на одну из кроватей, Кара заперлась изнутри и аккуратно расстегнула платье. На месте удара красовался багряный синяк с некрасивой темной сердцевиной раны. Кровь не текла, но прикосновение к коже отдалось нестерпимой болью.

– Сейчас бы ватный тампон! – вздохнула молодая женщина.

Она не надеялась найти у торговцев аптечку, но с надеждой заглянула за занавеску. Хм, помазок и осколок зеркала. Ян и Эд несильно обидятся, если Кара воспользуется их вещами. Да и зачем им знать? Кара тщательно ополоснула помазок и поднесла к коже. Ее мгновенно защипало, пришлось закусить губу, чтобы не закричать. Но глаза боялись, а руки делали. Промыв рану и убрав сгустки крови, молодая женщина вновь почистила помазок и вернула его на место. Подумаешь, мокрый – влажно, вот и не успел высохнуть. Теперь лицо. Зажмурившись, Кара подняла вуаль. М-да, все то же, лучше не стало. А могла бы начать расти кожа…

– Интересно, – задумалась Кара, разглядывая странный симбиоз из мертвого и живого, – а кости можно омывать, или ограничиться тем, что привычное, человеческое?

В итоге бывшая покойница провела эксперимент и методом проб и ошибок поняла, кости трогать не стоит. Зато рот, уши и шея на воду не жаловались. Оставалось платье. Кара наскоро застирала его подручными средствами, хотя в глубине души понимала: бесполезно, тут без чудо-служанки с чудо-средствами не обойтись.

Естественные потребности стали сюрпризом, но неудобств не доставили. И в оговоренный срок молодая женщина спустилась на обещанную чашечку чая. То, что никто ее не предлагал, а Кара всего лишь высказала пожелание, бывшую учительницу не смущало. Она не сомневалась, торговцы не сэкономят медяк, когда рассчитывают получить золотой. Так и вышло: хозяйка накрыла стол и подала к чаю свежей выпечки. Кара с удовольствием поела, заодно обсудила стоимость проезда. Лиф платья она благоразумно прикрыла шарфиком, который в последнюю минуту стащила у Джиневьевы. Легкий, газовый, он не вязался с

меховым пальто, зато идеально подходил к вечернему платью.

– Итак? – Кара выразительно глянула на компаньонов, сделала глоток… и закашлялась.

Чай с непривычки казался непомерно горячим, она забыла, что нужно прихлебывать осторожно, приучая небо и горло к подзабытым ощущениям. Булочки тоже пришлось отщипывать. Пусть со стороны примут за чудачества, леди часто ими страдают.

– Зависит от обстоятельств, – деловито ответил Эд. От былого балагура не осталось и следа, его место занял расчетливый торговец. – До куда вы с нами доедете, как будете питаться, с каким комфортом передвигаться и все такое прочее.

– Зависит от того, сумею ли я обналичить облигации, – в тон ему ответила Кара.

– Так за этим дело не станет, – вновь подал голос Ян. – Если не фальшивые, я обо всем позабочусь.

Глава 4

Путешествие вместе с торговцами, безусловно, уступало по степени комфорта поездке в дилижансе, но Кара радовалась самой возможности покинуть родной город. Кто бы мог подумать, что однажды он ополчится на нее! К счастью, Кара не относилась к сентиментальным особам, а то устроила бы долгую сцену прощания. По канону требовалось намочить слезами три носовых платка и произнести пламенную речь, в которой перечислялись все памятные события, начиная с первого зуба, кончая воскрешением из мертвых. В заключение можно было выйти навстречу охотникам и патетично предсказать им бурное раскаянье в содеянном. Мол, они еще пожалеют, кого потеряли. Ну и попутно вытащить парочку топоров из головы и стрел из груди – местное население не стало бы спокойно стоять и ждать, пока любительница мелодрам закончит выступление. Но Кара исповедовала другие принципы и предпочла сэкономить здоровье и время. С максимально возможным удобством устроившись в крытом тентом

фургоне, она считала путевые столбы и просила хозяйку гостиницы временно заболеть склерозом. Кара слишком приметна, стоит женщине выйти в лавку или переговорить с соседкой… Но обошлось. То ли хозяйка попалась нелюдимая, то ли действительно страдала амнезией.

Фургоном правил Ян, Эд путешествовал пешком. Некогда забитая тканями повозка сейчас зияла пустотой. Безрессорная, она щедро потчевала пассажиров жестким массажем. Кара опасалась, что к вечеру ее тело превратится в один огромный синяк. Но молодая женщина не жаловалась, наоборот, благодарила судьбу за шанс приблизиться к нужной цели. Как там говорили священники? Правда, их особо не слушали и в церковь ходили редко, на свадьбу или похороны. Так вот, страдания очищают и укрепляют. К концу пути Кара сможет обходиться без воды и гнуть подковы.

Разумеется, щекотливый вопрос о вуали прозвучал, но воскресшая покойница заранее приготовила правдоподобный ответ: у нее экзема. Компаньоны посочувствовали и отстали. Время в праздности тянется бесконечно, поэтому спутники не молчали, перебрасывались ничего не значащими фразами. Потом Кара и вовсе вызвалась помочь спасителям, подвести итог их торговли. Она ведь учительница, могла не только отнимать и складывать. Ян поначалу заартачился, но Кара со смешком заверила, что даже при жгучем желании не смогла бы их ограбить:

– Где деньги, я все равно не знаю, с двумя крепкими мужчинами не справлюсь. Остаются подельники, но ведь им надо как-то расчеты показать, вдруг там сущие крохи?

И Ян сдался, неохотно вывалил на дно фургона кучу расписок и обрывков тетрадных листов.

– Вы так и собирались везти это до дома?

Удивлению Кары не было предела. Никакой системы, никакого порядка!

– Да, мы подбиваем баланс после поездки.

– Именно поэтому у вас только один фургон, – покачала головой молодая женщина. – Ну разве так можно! Ваши записи любой ветер развеет. Лучше дайте

карандаш и тетрадь, которую вы немилосердно ободрали. Сейчас узнаем, чего стоили ткани.

Неудобно считать и писать, когда тебя мотает из стороны в сторону, но еще неудобнее бездельничать часами. Заодно тренировка для мозгов, чтобы не ржавели. Тут некроманту спасибо, не набил череп опилками. Пыхтя от усердия, Кара разбирала чужой почерк, сводила цифры и часа через три, сияя, протянула Яну результат.

– Двести! – гордо сообщила она. – Хорошая выдалась торговля, ребята!

Сказала и задумалась: не слишком ли фамильярно? Но компаньоны не обиделись, наоборот, Ян даже полюбопытствовал, не хочет ли она стать частью предприятия:

– Так бы мы контору на время отлучек не закрывали бы.

Кара обещала подумать, хотя видела свое будущее совсем другим. Но не расстраивать же людей, что стоит маленькая вежливая ложь?

Тем временем из-за горизонта показался соседний городок. Время в нем застыло примерно сто лет назад. Все те же дранковые крыши, общественные колодцы, деревянные дома, укрепленные штукатуркой. До моря далеко, никаких достопримечательностей, богатого землевладельца рядом тоже не наблюдалось, вот и чах город, довольствовался глубоко провинциальной судьбой. Кара здесь никогда не бывала – земли, которыми управлял ее покойный муж, находились южнее. Эд предложил остановиться и перекусить, Ян и вовсе настаивал на ночевке.

– Взгляни на небо, – твердил он, – солнце уже низко. Мы поздно выехали, до ближайшего постоялого двора засветло не доберемся, лучше в городе остаться.

– Вечно ты ноешь! – недовольно глянул на него Эд. – Пил бы меньше эля, быстрее бы ехали.

– Ну, как знаешь! – мрачно процедил компаньон и отвернулся.

Больше он не проронил ни слова.

Лошади свернули с основного тракта на проселочную дорогу и въехали в городок. Кара не запомнила его названия, начертанного на вылинявшей от дождей доске. Молодой женщине хотелось есть – подзабытое чувство! А еще – отвести Яна в сторонку и поговорить об облигациях. Наличных денег немного, а дядюшкиными бумажками не расплатишься.

Какой контраст с Осином! Казалось, местный мэр давно сбежал с любовницей на море, прихватив с собой казну. Разбитые дороги, занесенные снегом тротуары, погнутые фонари. Даже перед церковью на центральной площади сугроб. Здание местной школы производило удручающее впечатление, Кара не стала бы проводить там уроки. Здание на ладан дышит, того и гляди развалится. И над всем этим флаг Скадара. Стыдно!

– Что, нравятся местные красоты? – усмехнулся Эд и приноровил шаг лошади к натужному движению фургона.

– Создается впечатление, будто город недавно ограбили.

Кара сидела и думала, как бы сложилась ее жизнь, если бы она родилась в подобной дыре. Воистину, все познается в сравнении!

– Вы недалеки от истины. Или можно на «ты»?

Торговец выжидающе посмотрел на молодую женщину, и она кивнула. Можно, так даже проще.

– Некогда тут работала крупная фабрика, добывали глину. Потом владелец исчез. Вроде, попался на махинациях и дал деру. Поставили государственного управляющего, но дело не заладилось. Народ здесь ленивый, предпочитает гнать выпивку, а не копаться в земле.

– И все ты про всех знаешь! – рассмеялась Кара.

– Так не первый год езжу, а завсегдатаи таверн говорливы. Жаль, тебя в Осине прежде не встретил.

Ожившая покойница закашлялась. Ну вот опять! С ухаживаниями Эда надо что-то делать, иначе топать ей до столицы пешком. Экзема экземой, но в некоторых случаях мужчине становится все равно. Последствий этого «все равно» Кара не желала, опять-таки сомневалась, будто они устроят даже Эда. Делить постель с не до конца ожившим трупом – очень специфическое удовольствие. Раз так, нужно осторожно его отвадить, но сохранить добрые отношения.

– Я замужем. Была, – немного поколебавшись, добавила Кара.

Если соврет, что муж до сих пор жив, начнутся новые вопросы, подозрения. Почему одна, почему супруг не защитил, какую власть над ней имеет дядя? Нет, лучше вдовой. Кара сообразила, что с той памятной кладбищенской ночи так и не взглянула на руку. Кольцо оказалось на месте, не сняли. И на том спасибо.

– Вот.

Чтобы развеять сомнения, молодая женщина показала символ супружеских уз.

– Ясно… – протянул сразу скисший Эд. – Недавно овдовела?

Кара кивнула.

– Полгода назад.

Вот так, замечательно. В Скадаре разрешали вступать в брак через год после смерти предыдущего супруга. О новых любовных отношениях тоже речи не шло: все еще ношу траур в душе, что люди скажут? Эд мужчина порядочный, настаивать не станет. И Кара не ошиблась, настойчивые ухаживания прекратились, торговец только поинтересовался причиной смерти благоверного.

– Лихорадка.

Правду нужно выдавать дозированно, про убийство не заикаться.

Тем временем фургон обогнул площадь и свернул на одну из похожих друг на друга, словно близнецы, улиц. Нос Кары уловил запах тушеного картофеля с луком. Засосало под ложечкой, оживилась едва убаюканная рана. Последняя

доставляла немало хлопот. Прыжки на ухабах неизменно отзывались болью, Каре стоило большого труда держать лицо перед спутниками.

– Нам не сюда! – рассмеялся Эд, перехватив ее страждущее выражение лица. – Лошадей и повозку оставить негде. Мы всегда на выезде останавливаемся, у почты.

Молодая женщина кивнула. Ничего страшного, не умрет. Она вообще с некоторых пор скончаться не способна.

Здешний городок относился к тому типу селений, которому не полагались даже проходящие дилижансы. Вся надежда на почтальона, раз в неделю возившего почту и посылки в ближайшее крупное поселение и обратно. Поэтому вместо навесов и павильона местные жители довольствовались коморкой в пристройке склада. Там за конторкой восседал почтальон, принимал корреспонденцию, записывал желающих уехать. Буквально в двух шагах от склада гудел постоялый двор – полная противоположность застывшему мирку холщовых мешков и сургучных печатей. Он выгодно отличался от большинства городских строений, сразу видно, приносил владельцу доход. Однако сегодня у коновязи переминалась с ноги на ногу только парочка лошадей, а из открытых даже по зимнему времени окон не доносился заливистый смех.

– И верно, не успеем! – вздохнул Эд, бросив взгляд на небо.

Словно в подтверждение его слов сутулый почтальон погасил свет и запер контору. Его вихрастую макушку золотило закатное солнце. Зимой темнело быстро, поневоле приходилось коротать вечера за кружечкой хмельного меда. Это летом можно рискнуть, проехать пару миль в сумерках, в снежную пору рискованно.

Ян занялся повозкой и лошадьми, крикнув, чтобы и на его долю заказали эля.

– Лишь бы выпить! – рассмеялся балагур Эд. – А тебе, милая барышня, морсу?

Он придержал перед Карой дверь и вошел следом.

– Можно тоже эля, но немного.

Молодая женщина решила поддержать компанию. До утра они все равно в путь не тронутся, можно немного расслабиться. Когда она в последний раз пила эль? Нет, не год назад, еще с мужем. Пусть Кара его не любила, неплохой был человек. Не бил, не заставлял трудиться от зари до ночи, книги покупал. После его гибели Кара перевезла их в Осин, но дядюшка давно пустил томики на растопку. А как бы хотелось вновь сесть в кресло-качалку и погрузиться в волшебный мир пожелтевших страниц! Больше всего жалко сборник поэзии. Кара неизменно открывала его, когда становилось тошно. Такое состояние накатывало не раз и не два даже в пору замужества. Это со стороны все хорошо, благостно, а на душе тяжко. Не всем дано жить с мужем без любви. Может, Кара смирилась бы, притерпелась, но не дали. Потом… Потом и вовсе не хотелось расставаться с чистыми и светлыми стихами, столь непохожими на окружающую действительность. Все блажь, пустая меланхолия, вот деньги… Оставалось надеяться, дядюшка ими подавился, Кара сделала все возможное.

– Ну, чего загрустила?

Оказалось, молодая женщина задумалась, застыла на пороге. Виновато улыбнувшись, пусть Эд и не видел (и хорошо, дольше проживет, не сбежит в монастырь), Кара шагнула в обеденный зал. Если свернешь направо, окажешься в хозяйском закутке. Пойдешь прямо, уткнешься в лестницу, ведущую в меблированные комнаты.

– Иди, стол выбирай, я сейчас!

Эд легонько подтолкнул Кару в спину, а сам отправился договариваться насчет постоя.

Принцип любого постоялого двора – простота. Никто не украшает стены картинами, не развешивал гирлянды цветов, разве только заезжий художник в счет платы намалюет чего-нибудь поверх штукатурки. Вот и тут голые стены, деревянные столы с лавками. С балок вперемешку с паутиной свешиваются гирлянды чеснока – по традиции им отпугивали вампиров, хотя последних не встречали лет двести. Кара забралась в уголок, ближе к очагу. Что толку усаживаться к окну, все равно ни зги не видать, зато тут тепло, хорошо. Тело ответило благодарными мурашками – продрогло под пальто. Неспешно раздевшись, молодая женщина повесила вещи на крючок и кивнула девчонке лет пятнадцати, которая принимала и разносила заказы. Не убьет же Эд, если она немного подсуетится. Свиные ребрышки, утка, печеные овощи – обычная и

сытная пища, а для Кары – деликатесы. Она скупила бы всю кладовую, но помнила, едят не глазами. Раз так, хватит половины утки. К ней можно взять тушеной капусты. Мужчинам – те самые ребрышки, тоже капусты и колбасок. Что будут пить? Эль. Ей пшеничного, спутникам – ячменного. Пока все, потом позовут, если потребуется.

Эд подошел, когда девчонка уже проворно расставляла кружки. Торговец довольно кивнул и плюхнулся на скамью напротив Кары.

– Надеюсь, угадала, – развела она руками.

– Мы непривередливые, точно не ошиблась. А вот и Ян!

Мужчина обернулся, приветствуя компаньона.

Захрустели хрящи, застучали вилки и жбаны. Ели молча, лишь изредка перебрасывались парочкой фраз. Подавальщица несколько раз доливала эля мужчинам, а Кара медитировала над первой кружкой. Странное дело, ей вдруг захотелось спать. На кладбище, в мороз, ни капельки, а тут разморило. Не иначе тело вспоминало былые привычки. «А ведь мне не хочется умирать, – поймала себя на мысли Кара. – Чем дальше, тем меньше. Ну его, этот покой, безмолвие! Лучше жить, впервые жить для себя, чтобы никто не распоряжался моей судьбой». Вот о чем надо просить Верховного некроманта – это исправить лицо и убрать остатки смерти. Все же как хорошо, что Турс Абри оказался неумехой, а то лежала бы Кара сейчас в могиле, получив то, чего на самом деле не желала.

– Устала? – Перед ней стукнулся о стол ключ с массивным деревянным брелоком. На нем красовалась выведенная тушью цифра «четыре». – Я тебе отдельную комнатку купил, не побеспокоим.

– Сколько? – Торговые люди ничего не делают бесплатно.

– Потом сочтемся! – отмахнулся Эд.

Кара поблагодарила и побрела наверх. Хватит клевать носом, лучше впервые в новой жизни заснуть. Пусть кровать узкая, а стены тонкие, из всех щелей дует, зато нет горожан с кольями. Не доберутся они сюда так скоро, завтра же Кара

будет очень далеко. Сон накрыл молодую женщину практически мгновенно. То ли сказалось общее напряжение, то ли непривычная организму еда. Но где-то посреди ночи Кара проснулась и, как ни ворочалась, не могла снова уснуть. Бывшая покойница дошла до сорок первой овечки, лениво прыгавшей через иллюзорный забор, когда сообразила: она не проснулась, ее разбудили. Стук-стук и шур-шур доносились из-за двери. Кара не могла сказать, откуда именно, но явно из коридора. «Наверное, запоздалые постояльцы, – решила госпожа Барк и мысленно пожаловалась: – Могли бы потише!» Взбив жидкую, словно блин, подушку, молодая женщина повернулась к стенке и прикрыла глаза, но тут же подскочила, услышав сдавленный крик и оборвавшееся на первом слоге ругательство. Если бы голос принадлежал одному и тому же человеку, Кара грешила бы на дурной сон, но возмущались разные люди. Более того, показалось или нет, шумели в номере новых приятелей.

– Так, – Кара свесила ноги с постели и нашарила туфли: с некоторых пор она не переносила холод, хватит, належалась в морозильнике, – какова вероятность, что Эду и Яну одновременно приснились кошмары? Практически нулю. Пугаться друг друга они тоже не станут, даже с пьяных глаз у товарища останется две руки и две ноги, выходит, в гости пожаловал барабашка из коридора. Не пора ли взглянуть на господина Шур-шур?

Сказано – сделано. Наскоро приведя себя в порядок, – женщина всегда остается женщиной, что бы ей ни твердили некроманты и прочие отсталые личности – бывшая покойница осторожно звякнула щеколдой и выглянула в коридор. Так и есть, дверь соседнего номера приоткрыта, заметно какое-то движение. И все без света, законностью и не пахнет. «Вот тебе и постоялый двор! – мысленно всплеснула руками Кара. – Хуже притона!» Раз так, она не обязана соблюдать правила приличия. Молодая женщина сняла вуаль и кинула на кровать – не возвращаться же! Номер маленький, сложно не добросить. Вот так, правосудие уже в пути. Сами виноваты, кликали ночной кошмар, он и явился. «Туфли лучше снять, – размышляла Кара. – Какое привидение цокает каблуками? Ничего, потерплю. А если подцеплю занозу, потребу с хозяина скидку. Он и так должен приплатить за безобразную охрану». Молодая женщина хихикнула, представив собственный облик. Классика жанра – благонравная покойница в саване. Ну, ладно, не в саване, а в сорочке, но она ведь тоже белая, разницы никто не заметит. Чтобы не выпадать из образа, Кара вытянула перед собой руки, так и двинулась навстречу незваным гостям.

Торговцев действительно посетили воры. Связав компаньонов, они бессовестным образом присваивали чужие деньги. Эду и Яну оставалось лишь мычать – кляп лишил других способов выражения протеста и пожелания долгих лет жизни. Прохиндеи не прихватили свой, соорудили из подручных средств. И вот, когда счастье казалось так близко, то есть доход от продажи тканей перекочевал в мешок, на пороге возникла Кара и загробным голосом потребовала:

– Мне нужна ваша кровь!

Эффект превзошел ожидания. Молодчики заорали и, не согласовав собственные действия, столкнулись лбами. Деньги, разумеется, уронили, и они рассыпались по полу.

– Да это просто баба! – наконец пришел в себя один из них.

Кара не стала его разубеждать. Свободу выбора надо уважать.

Началось все банально: молодой женщине предложили уйти и заболеть амнезией. Кара вежливо отвергла требования и посоветовала удалиться ворам. Налегке, разумеется.

– Сама напросилась!

Вор решительно шагнул к молодой женщине. Та чуть попятилась, посторонилась и внесла еще одно предложение:

– Свечу зажги, так наказывать удобнее. А то коридор большой, пустых комнат много, вдруг разминемся.

– И то верно, – кивнул товарищ разбойника, – все равно тот паренек нос не высунет, а других постояльцев нет, бояться нечего.

Кара довольно улыбнулась. Сейчас им будет чего бояться. Молодая женщина запоздало задумалась об эффектной позе, но раз не подготовилась, придется просто помахать рукой, лицо сделает все само.

Щелкнул кремень огнива, медленно разгорелся фитиль.

– Ну держись, стерва! – пригрозил вор и сально улыбнулся. – Наказание выйдет долгим.

Коротким, коротким, мальчики, минута от силы.

– Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать, – подразнила Кара мужчин словами детской считалочки.

Им бы насторожиться, отчего вдруг жертва так нахально себя ведет, но разум застило физическое неравенство полов. Мораль: всегда проверяйте оппонента на наличие дыхания. Воры не проверили, за что и поплатились.

В этот раз крик наверняка перебудил полгорода. Лицо мужчины перекосило. Он побелел и, размахивая руками, сиганул в окошко. Судя по тому, что вопль не умолк, остался жив.

– Чуть пожар не устроил, слабонервный! – проворчала госпожа Барк. – А если бы я свечу подхватить не успела? Думал, босыми ногами затушу?

Она погрела ладони над огарком и лениво осведомилась у оставшегося участника ночной трагикомедии:

– Ну, а ты смотреть будешь?

– Не-е-ет! – проблеял второй воришка и жалобно попросил: – Можно, вы меня сразу страже сдадите? Я в камеру хочу.

Тут Кара сообразила, что он ее прекрасно видел, замер на пороге номера с круглыми от ужаса глазами. Крепкий мужчина, орать не стал, только поседел и заикаться начал.

– Деньги верни, пока не заработал на камеру.

Молодая женщина лениво сделала шаг вперед, мужчина – два назад. Долго его отступление длиться не могло, он уперся спиной в окно. Перед беднягой встал нелегкий выбор: прыгнуть вслед за товарищем или расстаться с награбленным.

Целостность костей оказалась дороже.

– Я сейчас!

Вор засуетился, подбирая монеты. Кара не торопила, терпеливо ждала, знаком дав понять спутникам, что все в порядке. Только вот они позеленели, не стоило, видимо, поворачиваться. Еще сбегут, как потом до столицы добираться?

– Вот, госпожа, все до медяка.

Разбойник дрожащими руками протянул Каре мешок.

– А в карманах? – строго спросила она. – Смотри, я голодная.

Икнув, мужчина принялся раздеваться. Молодая женщина в недоумении смотрела на него, а потом таки спросила:

– Ты себя на ужин готовишь или предлагаешь забрать сдачу натурой?

Оставшийся в одних подштанниках вор взвизгнул:

– Возьмите все!

– Все мне не надо, – отмела щедрое предложение Кара и заботливо попросила: – Оденься, а то застудишься.

– То есть подштанники не снимать? – неизвестно чему обрадовался вор.

– Вонючие носки меня тоже не интересуют, – заверила молодая женщина, – только деньги, чужие вещи и драгоценности. На стол положи и свободен. Сам уж страже сдайся и товарища отнеси.

Хотя Кара сомневалась, будто последний терпеливо дожидается под окном в сугробе. Наверняка успел добежать до Осина, сломанная нога не помеха.

Издав нечленораздельный звук, вор кивнул и живо расстался с награбленным. Судя по его количеству, он заглянул не только к Яну и Эду, а прошелся по половине городка. Какими вместительными иногда бывают карманы!

– Молодец! – похвалила мужчину Кара, словно перед ней стоял ученик. – Теперь одевайся и иди с миром. Оружие здесь оставь, оно тебе больше не понадобится. И сходи к священнику – мне кажется, ты захочешь провести остаток дней в служении небу.

Вор кивнул. Тоже вариант. Не камера, работать надо, зато на свежем воздухе.

– Вот и останавливайся на проверенных постоялых дворах! – проводив разбойника взглядом, пробурчала молодая женщина. – Ну и люди, а еще на покойников грешат. Да они по сравнению с ними невинные овечки! Разве какой-нибудь мертвец ночью завалится с ножом и вонючим кляпом?

Шорох на кровати заставил Кару обернуться. Более верткий Ян сумел подняться на ноги и, забавно прыгая, пытался добраться до койки Эда.

– Сейчас, мальчики! Только, чур, не бить и не орать!

Внутренний голос подсказывал, что кричать как раз будут, громко и долго. Вот что сила предрассудков делает! Но как порядочная женщина Кара все равно вытащила кляпы. Люди – существа неблагодарные, это она и так знала, ничего нового компаньоны ей не сообщат. Однако они удивили.

– Кто ты? – хмуро поинтересовался Эд.

Даже чудовищем не обозвал.

– А в каком смысле? В плане принадлежности к расе, полу, отношения к магии?

Кара, как могла, уклонялась от прямого ответа. Еще бы, он перечеркнул бы все надежды. Не заколачивать же окно и не связывать торговцев заново!

– В плане отношения с жизнью, – уточнил Эд.

Он подал знак Яну, и тот переместился к двери. Крепкие ребята, им бы ворами работать, а не той хлипкой парочке.

– Хм… – Молодая женщина задумалась, подбирая слова. – Удовлетворительные.

– В смысле? – не понял мужчина.

– На «хорошо» и «отлично» не тянет, если скажу плохие, солгу. Или вам про отношения как отношения? Тогда была замужем, только вот нашего согласия на совместное существование не спросили.

Идеально ответила! И как тонко передала правду! Кара собой гордилась.

– Да спроси ты просто! – не выдержал Ян. – Дамочка образованная, юлит. Словом, Кара, ты живая?

Младший компаньон в упор смотрел на Кару, она – на него.

– Да. – Формально живая, по факту – не очень, но кого такие частности волнуют? – Или ты где-то видел пьющих эль мертвецов?

Ян неохотно признал ее правоту, но не желал отступать:

– А лицо?

– Говорила же, экзема у меня, – раздраженно, больше для виду, чтобы закончить неприятный разговор, ответила молодая женщина. – Или тебе точный диагноз назвать? У мужа спроси, его работа.

Торговцы понятливо переглянулись, и Ян протянул:

– Не повезло!

Оставалось гадать, только кому: им, Каре или ее покойному мужу? Но молодую женщину это не волновало, главное, удалось найти правдоподобное объяснение жуткой внешности и пресечь попытки изучить ее при солнечном свете. Он-то

расставит все по своим местам, докажет, никакой дурной болезни нет. А свеча… Там тень, тут тень, и жертва неразборчивого в связях супруга готова.

– Тебя поэтому дядя выгнал?

Эд мялся, не зная, как поступить: то ли избавиться от опасной спутницы, то ли продолжить общение?

– Судя по всему, ты тоже собираешься. Да я незаразная, болезнь через прикосновения не передается.

Все, теперь Эд навсегда оставит ухаживания. Кому нужен ввалившийся нос?

– Точно? – нахмурился собеседник.

– У врача спроси. Я вообще скоро выздоровею, в столицу к лучшему светилу науки еду.

Тоже правда. Для мертвых некромант – самый первый врач.

– Не бросайте меня. Пожалуйста! – Кара молитвенно сложила руки и шмыгнула носом. – Как мне одной-то?

Компаньоны переглянулись и попросили молодую женщину ненадолго выйти. Им требовалось посовещаться. Деньги против предрассудков, что перевесит? Кара не делала ставки, терпеливо ждала. Наконец дверь открылась, и Ян попросил ее войти.

– Мы посовещались и решили: ты остаешься, – нервно прищелкивая пальцами, сообщил он. – Ты наши деньги спасла, хорошая собеседница, опять же барыш неплохой из чужого добра. Словом, платить тебе тоже ничего не нужно.

– А облигации? – Кара напомнила о давнем обещании.

– Скажу, куда идти, сама сделаешь.

Выходит, брезговал брать из ее рук.

– У каждого свои недостатки, но мои самые страшные, да, Ян?

Мужчина виновато потупился. Прошла минута, и он не выдержал, буркнул:

– Хорошо, сделаю.

Кара довольно улыбнулась и, спохватившись, как это выглядит со стороны, сбегала за вуалью. Вот так, теперь она снова женщина в сорочке, только вот для двух конкретных мужчин стала бесполой. Последний факт Кару не огорчал, а, наоборот, радовал. Как и то, что торговцы не сбежали. Оставалось надеяться, сдержат слово.

– Ну, спать? – нерешительно предложил Эд.

Все, вроде, обсудили, незачем гипнотизировать взглядом свечу.

– Угу, уезжаем на рассвете, – поддакнул Ян.

– Надеюсь, со мной? – немного напряглась Кара.

Не хотелось проснуться и обнаружить неприятный сюрприз.

– Да уж с тобой, – хмыкнул старший торговец и украдкой зевнул. – Куда мы денемся!

Молодая женщина могла предложить множество вариантов, но не стала. Зачем подталкивать людей в ненужном тебе направлении?

Глава 5

После полусонного Осина Стравец напоминал пчелиный улей. А ведь это даже не столица, пусть и крупный торговый город. Кара не знала, куда смотреть:

наверх, под ноги или по сторонам. Но больше всего хотелось на вывеску гостиницы: тело требовало ванны. Это только в книгах путешествие приятно и необременительно, в реальности ты покрываешься толстым слоем грязи, словно второй кожей обрастаешь. Но молодая женщина не спешила, терпеливо ждала возле складов. Тут вовсю кипела работа, зазеваешься, угодишь под ноги грузчикам или попадешь под колеса подводы. Товары привозили по земле и воде – Стравец стоял на реке, – а потом привозили сюда, в город внутри города. Один из гигантских сараев принадлежал Эду и Яну. Они мелкие торговцы, не чета тем, чьи приказчики ворочали сотнями тюков. Сколько же здесь потенциальных денег! Поэтому везде охрана, следит, чтобы посторонние не вертелись, где им не следует. На Кару тоже посматривали косо, но не трогали: видели, она приехала вместе с торговцами.

– Пора бы уже Яну вернуться!

Молодая женщина в нетерпении вытянула шею, силясь разглядеть в толпе знакомое лицо. Разгар буднего дня, самое суетное время.

– Или таки сбежал с облигациями? – Кара не до конца доверяла временному знакомому и отдала ему только две, самого маленького номинала. – Не поленюсь ведь, порчу наведу. Раз существует Верховный некромант, то и ведьмы найдутся. Навсегда Кару Барк запомнит!

Произнесенное вслух имя заставило задуматься об еще одной насущной проблеме. По документам никакой Кары давно не существовало, да и ушлый дядюшка, не желая расставаться с деньгами, наверняка подал на нее в розыск как самозванку. Выходит, придется стать кем-то другим, начать полноценную новую жизнь.

– Имя мне нравится, не отдам, – покачала головой молодая женщина. – Оно не редкое, в том же Осине я двух Кар учила. Фамилия… Вот она ничего не значит, похороню без сожалений. Будем считать, снова замуж вышла. За саму себя. Девичья не вариант, дядюшка ее прекрасно помнит. Если только…

Кара крепко задумалась, перебирая в памяти родственников. Требовалось нечто легко запоминающееся и никак с Оливером Стеном не связанное.

– Абри! – Молодая женщина не понимала, почему фамилия сразу не пришла в голову. – Конечно, Абри! Тот некромант мне как отец, пусть поделится фамилией.

Кара Абри. Воскресшая покойница мысленно произнесла получившееся сочетание и осталась довольна: запоминать легко, звучит красиво.

Но вот среди согнутых спин и груженых повозок показалась знакомая шевелюра. Ян дорожил репутацией и не стал обманывать даже сомнительную спутницу.

– Вот. – Торговец отвел ее в сторонку и вручил кошель. – На первое время хватит, потом в столице наменяешь. Облигации на предъявителя, проблем не возникнет.

– И где я их там поменяю?

Кара никогда не интересовалась подобными вещами. Сначала лишних денег не водилось, потом всем занимался муж. После его смерти ценные бумаги забрал на хранение дядя.

– В банке, дурочка! – рассмеялся Ян. – Название на облигации напечатано.

– Ну извини, не все такие грамотные!

Кара насупилась. Неприятно ощущать себя дурой.

– Извиняю и прощай. Дела у меня.

Ян упорхнул, явно тяготясь обществом покойницы, для него – женщины с дурной болезнью. Его можно понять, Кара сама бы косо посматривала на подобного человека. С другой стороны, они проводили в компании друг друга не одни сутки, Ян мог банально устать.

Кара не собиралась задерживаться в Стравеце. Так, отлежаться, осмотреться, подготовиться – и вперед, штурмовать столицу! Отсюда до нее – последний бросок, а до Осина – целая вечность, дядюшкиным рукам не дотянуться. Как он там? Кара надеялась, плохо. Тяжело доказать окружающим, будто записки в ограбленных лавках писала воскресшая племянница. Трупу полагалось пугать

живых, в крайнем случае убивать их, а никак не мерить шляпки и упражняться в эпистолярном жанре.

Начинать осмотр города с окраины – не лучшая идея, и Кара поспешила выбраться из царства криков и снежной жижи. Выглядела она сейчас не столь роскошно, как в Осине. Виной тому не только Турс с его маниакальной страстью к холодному оружию, но и время года. Хотя, если разобраться, ни одно из них не милосердно к одежде. Когда сходит снег, она покрывается пылью, когда льют дожди – грязью, а зимой подол напоминает половую тряпку. О туфельках тоже пришлось забыть и приобрести добротные неказистые ботинки. Некогда купленная у мастера Тана обновка теперь хранилась в холщовой сумке, бережно завернутая в исподнее – за время пути любая женщина обрастает покупками. В Стравеце Кара планировала пойти дальше: приобрести дорожный саквояж и доверху набить его одеждой, практичной, по сезону. Она убедилась, что посиневшие ногти и промокшие ноги удовольствия не приносят, пусть даже на тебе наряд с плеча королевы. Последняя в Скадаре временно отсутствовала, поэтому красоваться было не в чем. Подобрав юбки, Кара упрямо брела по обочине, гадая, что лучше: сугробы или темная субстанция, по которой катили телеги. Тротуары в этой части города отсутствовали, надежда сохранить ботинки сухими и чистыми умерла, не успев родиться. Но молодая женщина не унывала. Подумаешь, холодно, подумаешь, придется снова заниматься стиркой и чисткой, зато она жива и увидела что-то, помимо родного края.

Природа и архитектура центральной части страны отличались от привычной, прибрежной. За редким исключением города здесь с вековой историей, пережившие не один взлет и падение. Стравец не исключение. Эд обмолвился, что первое упоминание о нем относилось к прежней королевской династии. Город, словно жернова, перемалывал историю, оставляя на поверхности только то, что считал нужным или полезным. Например, дозорные башни. Сейчас их перестроили под склады. Словно одинокие стражи, они высились на берегах реки. Бойницы обвалились, и их заделаны кладкой.

– Красота! – Кара одним словом выразила впечатление от увиденного.

А за башнями город. Начинался он, как обычно, с предместий, разрезанных остатками крепостной стены. Местные жители разобрали ее на хозяйственные нужды, чудом сохранилось лишь несколько коротких участков, и к тем лепились дома. А дальше… Дальше Кара решила, будто очутилась в столице. Не может обычный провинциальный город быть таким… основательным. Прижимаясь к

стенам, чтобы не создавать проблем ни себе, ни окружающим, молодая женщина дивилась конторам торговых домов, напоминавшим особняки знати, считала трактиры, булочные и кондитерские. Красоты Осина померкли, а сам он будто съежился, стал еще меньше, чем был. Вот ратушная башня с колоколом и часами, обращенными на все четыре стороны света. Высокая, кирпичная, словно пронзающая небо. Вот муниципалитет. Под его черепичной крышей поместились бы школа и все присутственные места Осина. «Не разевай рот! – мысленно повторяла себе Кара. – Ты не деревенщина, а учительница, следи за манерами». Только как следить, когда вокруг столько красивого и непонятного!

Женщина победила усталость, и заново учившаяся жить покойница свернула к магазинам. Витрины манили, карманы казались слишком тяжелыми – как не прийти к компромиссу? В первой же лавке Кара осознала убогость осинской торговли. Вот она, истинная мода! Глаза разбегались от лежавшего на полках великолепия, руки тянулись взять вон ту сумочку. А потом еще и эту. Пусть она крошечная, с перьями, зато волшебная. И продавщица, хитрая бестия, наперебой расхваливала товар. Но Кара сдержалась, в последнюю минуту смогла. Будут потом в ее жизни сумочки с перьями, а пока дорожный саквояж. Молодая женщина выбрала надежный и вместительный, чтобы прослужил долгие годы. В него из мешка тут же перекочевало «приданное». Словом, когда Кара начала обращать внимание на вывески гостиниц и пансионов, руки ее значительно отяжелели. Но существует ноша, которая не тянет, содержимое саквояжа относилось как раз к таким.

С постоем Каре повезло. Она устроилась в гостевых комнатах, сумев изрядно сэкономить. Общие удобства не пугали, а ванну за дополнительную плату приносили в номер. Зачем переплачивать, если завтра, послезавтра уже уедешь? Хотя, опьяненная воздухом Стравеца, Кара ловила себя на мысли, что не прочь здесь остаться. Немного понежившись в теплой воде, молодая женщина отправилась по делам. Ей до сих пор не верилось, что тело больше не мотает из стороны в сторону, а синяки остались в прошлом. Только вот они нескоро сойдут.

Привыкшая к осинским реалиям, Кара с недоверием рассматривала расписание. Неужели дилижансы здесь ходят здесь каждый день? Иногда и по два, утром и вечером, в разные города. А еще дилижансы разные, подешевле и подороже. Молодая женщина навела справки – цена зависела от уровня комфорта. Ей и минимального хватит, всего неполных четыре дня потерпеть. Опять же неизвестно, сумеет ли Кара устроить свою судьбу, а если да, то как. Деньги лучше поберечь. Для них молодая женщина приобрела шкатулку с замком и

кошелек. В первую перекочевали облигации и часть наличных, во второй – монеты на текущие расходы. Ключ Кара носила на шее, а поверх облигаций и золота положила купленные для маскировки безделушки. Если кто вскроет, не позарится, не станет копаться дальше.

Выбрав подходящий день, госпожа Барк выкупила место и с чистой совестью отправилась отдавать дань прекрасному – любоваться местной архитектурой. Через пять дней она вступит на столичные мостовые.

* * *

В Литир, славную столицу Скадара, они въехали в рассветных сумерках, поэтому Кара не смогла толком ничего разглядеть: спала. Прислонившись щекой к жесткой обивке дилижанса, крепко обнимая саквояж, молодая женщина плавала в темной пучине безвременья. Сны ей не снились, так, иногда приходили бессвязные образы, мелькали лица, но стоило Каре попытаться ухватиться за воспоминание, тут же ускользали. Но она радовалась и такой малости. Помнится, начиналось все с того, что воскресшая покойница не могла спать вовсе. Еще немного, и красочные видения вернутся.

Дилижанс устало, тяжело катил по улицам, чуть подпрыгивая на неровностях мостовой. Пассажиры дружно посапывали, сменщик кучера – тоже, да и он сам позевывал в кулак, предвкушая скорый отдых. Завалиться на жесткую койку третьесортной гостиницы и спать до самого вечера, пока не придет время возвращаться обратно в Стравец. Неясные темные силуэты домов выплывали из серого сумрака. Они становились все выше, изгнав из своих рядов палисады предместий. Покачивались на крючках фонари и вывески. Улицы то сужались, то расширялись, неуклонно ведя вперед, в средоточие денег и власти. Однако дилижанс не добрался до центра города, остановился на почтовой станции.

– Литир, Литир! – прорезал тишину зычный голос кучера.

Пассажиры вздрогнули, неохотно пробуждаясь ото сна. Кара тоже протерла глаза и подслеповато уставилась в окно. Город и город. Туда ли их завезли? После сна по телу гуляла легкая дрожь. Зябко поведя плечами, молодая женщина в числе прочих выбралась на мостовую и огляделась. Розовые лепестки восхода уже коснулись стен домов, давая возможность познакомиться со столицей. Пока другие суетились, стаскивали багаж, Кара впитывала новые

запахи, пыталась найти отличия от того же Стравеца.

Почтовая станция явно старинная и большая, на десять навесов. При каждом – небольшой павильон, чтобы укрыться от холода и непогоды. Все наполовину застекленные, видно, чем заняты люди. К примеру, вон там, через проезд, за стеклом дремали на тюках пассажиры. Теплый кассовый павильон тоже отличался от виденных ранее. Во-первых, его не совместили с почтовым отделением. Во-вторых, украсили, словно присутственное место. Тонкие витые чугунные колонны поддерживали навес перед входом. Большие окна давали достаточно света. Резной орнамент на карнизе дарил усладу взгляду. В простенках висели объявления и афиши. Кара долго вчитывалась в них. Театр! Какое манящее слово! Выступает некая труппа Жило. Вот кто-то продает лошадь, а тут предлагают услуги истопника. В родном Осине такого не было.

Бурлящая толпа пассажиров рассосалась по улице. Кого-то встречали родственники, кто-то договорился с дежурившими возле станции извозчиками, кто-то унес вещи на собственном горбу. Кара и не заметила, как осталась одна. К ней тоже подходили, спрашивали, куда отвезти, но она понятия не имела. Дилижанс укатил на стоянку, кучера отправились спать.

– Где тут живет Верховный некромант?

Кара растерянно оглянулась, но судьба любезно не установила указатель. Можно бесцельно слоняться по городу, а можно… И провинциалка решительно направилась в кассовый павильон. Попытка не пытка и сэкономит уйму времени. Ожидания Кары оправдались, внутри продавались не только билеты. Заветный прилавок она заметила издали и теперь молилась, чтобы там оказались не только книги. На таком же в Стравеце молодая женщина видела карту города. В крупных селениях заботились о пассажирах, снабжали их газетами, дешевыми романчиками и простой едой. В итоге прибыль почты росла, а люди не скучали в дороге.

– Простите! – Кара помахала рукой, привлекая внимание мывшей полы женщины. – Вы не подскажете, здесь можно купить карту Литира?

Уборщица выжила тряпку, неохотно выпрямилась и смерила молодую женщину недовольным взглядом.

– Я тебе на справочное бюро похожа?

– Справочное бюро? – недоуменно переспросила Кара.

Прежде ей не доводилось слышать о таком.

– Ясно, понаехавшая, – вынесла уничижительный вердикт работница тряпки. – Карту ей! Вот к кому приехала, того и проси.

– А нельзя ли повежливее, не на базаре.

Покойница подавила желание поднять вуаль и щедро вознаградить собеседницу за хамство.

– Нельзя. Ишь, неженка нашлась! Благородные дамы на извозчиках ездят, а ты тряпку на лицо нацепила и решила, будто все на задних лапках прыгать начнут?

Любому терпению приходит конец. Шумно вздохнув, Кара досчитала до десяти и попробовала снова:

– Я хочу купить карту, а ваши размышления меня не волнуют.

– Ты бы еще ночью захотела, фифа! Щас, побежала людей будить ради твоих медяков.

Кара честно давала уборщице шанс, она им не воспользовалась.

– Ну хорошо, – беззаботно согласилась госпожа Барк и поставила саквояж на скамью, – побежишь бесплатно.

Отрепетированным движением она откинула вуаль, наслаждаясь произведенным эффектом. Очередная хамская реплика уборщицы застыла в горле. Глаза ее округлились, руки задрожали. С тоненьким писком: «Мама!» она сползла на пол и попыталась отгородиться от покойницы ведром.

– Что, – злорадствовала Кара, – хороша фифа? А где же ваша храбрость? Или ее только на стеснительных вежливых девочек хватает? Как легко почувствовать себя на их фоне большой начальницей! Карту, живо! – прикрикнула она. – И бесплатно.

Уборщица метнулась к прилавку с сопутствующими товарами. Дрожащими пальцами она перебирала стопки, пока не нашла нужное.

– Свои деньги туда положи. – Кара указала на прорезь для оплаты товара.

Пока монеты не опустишь, цепочка не позволит унести вещь. А так получишь ключ, отомкнешь замочек.

Медяки звякнули и упали на пол. Женщина принялась их неуклюже подбирать, испуганно посматривая на Кару. Та не двигалась, напустив на себя грозный вид.

– Вот!

Отдать карту уборщица побоялась, швырнула ее под ноги покойнице. Кара не гордая, подняла и, вежливо, попрощавшись, ушла. Она развернула карту в одном из скверов, куда первые матери привели на прогулку своих малышей. Глаза скользили по квадратам улиц, выискивая резиденцию некроманта. Ага, вот королевский дворец. Он занимал левый берег реки, оброс многочисленными парками и садами. Верховный некромант облюбовал другую часть города, но наверняка видел из окна башни, если таковая имелась, окна его величества. Итак, одну проблему решили, осталось понять, где сейчас Кара. Пригодилось полученное образование. Карта для учителя – та же монография, которую нужно изучить, быстро вычленить нужную информацию. Вот и квадратик с почтовой станцией. Молодая женщина мысленно провела линию до резиденции некроманта. Далеко! Ну так знать на окраине не селилась.

– Один плюс в смерти, – поднявшись, заметила Кара, – устаешь гораздо меньше.

Карта заняла место в саквояже, а молодая женщина отправилась навстречу неизвестности. Но она решила ее немного отложить, позавтракав в булочной. Оттуда доносились такие запахи, что даже настоящий труп не устоял бы. Расчетливые хозяева установили внутри несколько столиков, чтобы увеличить продажи за счет любителей выпить кофе.

Кренделя и ватрушки таяли во рту. Кара уплетала их со зверским аппетитом. Вуаль мешала, но она еще в Осине приспособилась приподнимать ее ровно настолько, чтобы укусить кусочек. Даже если рядом кто-то окажется, не заметит уродства. За едой пришла еще одна здравая мысль: нужно найти работу. Если Кара намерена жить, не побираться же! Дядины деньги уйдут в качестве платы за новое лицо, хорошо, если хватит, а пробудившийся от вечного сна организм требовал пищи и отдыха. Тут кстати вспомнились слова хамоватой уборщицы о справочном бюро. Может, там в курсе, не требуется ли где учительница. Только вот где оно, то загадочное бюро? Увы, карта ничем не могла помочь.

Надумав решать проблемы по мере их поступления, Кара отправилась в путь.

Литир стал столицей Скадара пять столетий назад и с тех пор несколько раз перестраивался. Исчезли крепостные стены, еще сохранившиеся в том же Стравеце. Повинуясь воле архитектора, разбежались лучами или разбили город на квадраты прямые улицы. Только в центре еще частично сохранилась старая планировка, как раз у королевского дворца. Жителей заставили привести дома в соответствие с новыми эстетическими нормами. Ушли в прошлое фахверк и нависавшие над улицей вторые этажи. Белье отныне сушилось во дворах, а не выставлялось напоказ. В остальном Литир жил по-прежнему: новые времена не меняют сущность людей.

Постоянно сверяясь с картой, не заплутала ли, Кара медленно, но верно продвигалась на северо-восток. Она все реже останавливалась, все меньше дивилась тому, что видела. Спасибо Стравецу, а то бы превратилась в посмешище. Но внутри… Внутри жил восторг. Какой большой город! Какой светлый, богатый! Одним словом – столица.

Внимание Кары привлекла табличка на одном из домов. Не вывеска, а объявление. В нем сообщалось, что в трактир требовалась посудомойка. Заинтересовавшись, молодая женщина начала присматриваться к домам и обнаружила, что работников здесь искали не через знакомых, а подобным незатейливым способом. Выходит, никакое справочное бюро не потребуется, Кара сама справится.

Подвешенное положение между жизнью и смертью, безусловно, сделало молодую женщину выносливее, но, когда она добралась до главной улицы, успела порядком устать. Яркие витрины больше не привлекали, запахи не

манили, даже столичная мода не вызывала интереса. Кара едва брела вдоль домов, мечтая хотя бы бочонке, подарившим бы столь желанный отдых. И вот она ее заприметила – скамейку в небольшом сквере у церкви. Увы, на противоположной стороне улице. Собрав волю в кулак, Кара занесла ногу на мостовую, когда раздались громогласные крики: «Дорогу, дорогу!» Молодая женщина едва успела отшатнуться. Всадники пронеслись столь быстро, что ветром приподняли вуаль.

– Совсем богачи совесть потеряли! – в сердцах пробурчала Кара и поспешила привести себя в порядок.

– Так Верховный некромант, собственной персоной, – ответила проходившая мимо женщина.

– Верховный некромант?

Усталость как рукой сняло. Взбодрившись, госпожа Барк преградила горожанке дорогу и засыпала ее вопросами:

– А куда он поехал? А как выглядит?

Прохожая посмотрела на нее с легким сочувствием, как на безобидную сумасшедшую. Спрашивать, как выглядит граф Морис Экундо!

– Я приезжая, – поспешила сгладить произведенное впечатление Кара.

Если она не получит ответы, поиски затянутся.

– Ясно, – кивнула женщина. – В университет, наверное. Как раз у студентов экзамены, его милость себе слуг набирает.

Прямо-таки слуг! Ожившая покойница фыркнула. Но простому люду не положено знать, чем занято негласное второе лицо государства, хватит того, что они его изредка видят.

– А университет далеко? – не унималась Кара. – Мне записку передать некроманту надо.

Женщина закатила глаза, но таки ответила:

– Нет, в двух кварталах отсюда. Давай расскажу, как скорее добраться, но особо на удачу не надейся. Лучше по почте записку пошли, авось секретарь прочитает.

Кара поблагодарила за помощь и поспешила на перегонки с Верховным некромантом. Задыхаясь, спотыкаясь, она сокращала дорогу по наитию. В голове вертелось: «Только бы успеть!» Всадник заведомо быстрее пешего, но вдруг его что-то задержит? Успела! Сердце билось о ребра, прыгало от живота до горла. Стараясь успокоиться, привести дыхание в порядок, Кара пожирала глазами Магический университет. Один из двух его филиалов некогда закончил Турс Абри. Издали университет напоминал замок, не хватало только рва и подъемного моста. А так башни, правда, без бойниц, зубчатые стены в наличии. Верховный некромант уже прибыл – Кара поняла это по толпе, облепившей центральные ворота. Значит, ей тоже туда. Вдохнув воздуха, так, что заболела грудь, она ринулась вперед, расталкивая тех, кто вставал у нее на пути. Ноги дрожали от напряжения, но молодая женщина упрямо двигалась к цели. Вот уже видны лошади, слышны голоса. Последнее усилие, и Кара прорвалась в первые ряды, к самому входу. Взгляд заметался по сторонам. Который из них? И дернуло же некроманта брать в свою свиту мужчин! Или хотя бы шапочку специальную носил, как теперь понять, кто из тех людей – граф Экундо. По спинам не догадаешься, стоят практически вровень, слушают преподавателей в мантиях. И тут чуткое ухо уловило обращение «ваша милость». Кара напряглась, привстала на носочки. Она нашла! Вот он, крайний справа, в лиловом. Словно почувствовав ее взгляд, мужчина обернулся. На миг глаза их встретились: зеленые Кары и карие, практически желтые некроманта. Молодая женщина ожидала умудренного опытом человека, но седина не тронула висков шатена. Она не могла с точностью определить его возраст, графу с одинаковой вероятности могло быть тридцать и сорок пять. Он следил за модой и отличался экстравагантностью, иначе бы не прокол ухо ради сережки-черепа. Крохотная, тем не менее она приковывала взор.

– Ваша милость! – изо всех сил завопила госпожа Барк и подпрыгнула, привлекая к себе внимание.

Некроманта тут же скрыли мощные спины, а саму Кару оттеснили в задние ряды. Она упрямо выбралась снова, повисла на руках сомкнувшей ряды охраны.

– Да успокойся ты! Нельзя тебе говорят!

Кара не слушала. Она все кричала и кричала, просила графа уделить хотя бы минуту драгоценного времени. Напрасно. Испугавшись скандала или, того хуже, покушения, ученые умы поспешили увести Верховного некроманта и его свиту прочь. Охрана тоже ретировалась, отгородившись от толпы массивными воротами. Можно, конечно, испытать их на прочность, броситься, словно вдова на могилу рано почившего супруга, но Кара не стала. Начало положено, молодая женщина хотя бы видела графа Экундо. Его взгляд… Было в нем нечто запоминающееся, как и в квадратной, но не массивной линии подбородка, мясистых аккуратных губах с легким пушком щетины под прямым, словно из-под резца скульптора, носом. В высоком лбе и зачесанных набок, на косой пробор волосах, не длинных и не коротких. В широких плечах, движениях – словом, во всем облике и повадке шатена. Кара нашла его симпатичным, хотя меньше всего на свете думала сейчас о подобных вещах.

– Никуда вы не денетесь, – пообещала молодая женщина, устроившись тут же, на мостовой, благо никто не спешил прогонять. – Не всегда между нами встанут охранники. Только надо решить, дожидаться вас здесь или устроить свидание у вашего дома.

Кара по очереди рассмотрела последствия каждого решения. Итак, если она останется здесь, точно не пропустит Мориса. Правда, придется на время превратиться в нищенку – даже ступенек, чтобы устроиться с относительным удобством, не наблюдалось. Опять же ни еды, ни питья, ни жилья. И охрана, не лезть же Каре в рукопашную! Зато если она уйдет… У степенной просительницы больше шансов добиться успеха, да и не придется ночевать на лавочке. Словом, поспешишь – людей насмешишь.

– Живи пока счастливо, не зная обо мне, – милостиво разрешила некроманту Кара. – Пусть тебя студенты развлекают. А то еще отдаешь на опыты всяким Турсам, те вообще в неведому зверушку превратят.

От мысли об осинском некроманте молодую женщину передернуло. Лучше похоронить себя заживо, чем угодить к такому. Он без книжки нежить убить не способен, да и с ней дела обстоят не лучше.

Толпа разошлась. Прохожие, если и обращали на Кару внимание, проходили мимо, не комментировали. Только одна сердобольная женщина поинтересовалась, все ли у нее в порядке. Кара заверила: в абсолютном и поняла, с сидением у ворот пора завязывать, а то переедут или затопчут. Вряд ли тот же некромант, пустив коня во весь опор, станет смотреть на мостовую. Ближайшая лавочка нашлась у той самой церкви, которая приглянулась Каре получасом ранее. Она же подарила бесплатное развлечение в виде свадьбы. Как всякая женщина, госпожа Барк мысленно оценила прическу и наряд невесты, примерила его на себя и высказалась насчет удачности выбора спутника жизни. Плюсы перевесили минусы, молодым милостиво разрешили жить вместе и не обвинили в отсутствии вкуса.

Вместе с возвращавшимися силами повышалось и настроение. Кара верила, ей все удастся. И она отправилась на поиски жилья и средства заработать масло на хлеб. Удача улыбнулась молодой женщине в деловом квартале. Она специально туда не сворачивала, проходила мимо. Некой конторе требовался секретарь. Объявление, как и все остальные, повесили снаружи. Кара решила зайти, она ничего не теряла. В итоге уже через час она с уверенностью смотрела в будущее. Образование соискательницы работодателя устроили, голос, важное составляющее требований к секретарю, сочли приятным. Единственная проблема – лицо. По известным причинам Кара его не показала, сославшись на строгие порядки малой родины. Мол, она потеряла мужа меньше года назад и не имеет права ходить без плотной вуали. Иначе ее сочтут девицей легкого поведения, затравят семью и ославят на всю округу.

– Поверьте, я не уродина, – заверила Кара. – Через пару месяцев запрет утратит силу, и вы в этом убедитесь.

И ее взяли на испытательный срок:

– Только из симпатии к вам.

Молодая женщина поблагодарила и порадовалась, что так удачно солгала про документы, сгоревшие вместе с мужем. Их, якобы восстановленные, она обещала предъявить как можно скорее. Но тут уж дело в деньгах и ее искусстве убеждения. В последнем Кара не сомневалась.

Глава 6

Кара любовно прошла тряпочкой по корешкам папок, затем отскоблила ногтем небольшое пятнышко и расставила предметы на столе в порядке возрастания, от самого маленького до самого большого, ровно, по линеечке. Можно было бы навести порядок в шкафу, разложить все по цветам радуги, но это она запланировала на полуденное время. Чрезвычайно увлекательная работа секретаря дарила множество возможностей проявить фантазию, здесь выживали только самые находчивые, остальных побеждала скука.

Внешний вид – это тоже важно. Вдруг войдет король, а у Кары воротничок загнулся, надо проверить. И, выполняя миссию чрезвычайной важности – да из-за любой складочки хозяин может милости лишиться, – молодая женщина зацокала к зеркалу. Оно висело тут же, в приемной, ближе к выходу. Кара с чрезвычайным усердием, чуть ли не с транспортиром, проверила вытачки и заломы и с чувством выполненного долга вернулась на место, придумывать новые занятия. Безусловно, она могла бы взять один из справочников и с умным видом вообразить, будто что-то смыслит в юриспруденции, но тогда бы воскресшая покойница рисковала пропустить перерыв на чай: банально бы проспала. И Кара выбрала газеты. Заметки короткие, разнообразные, если спросят, чем занята, всегда можно соврать, что просматриваешь прессу для хозяина. У последнего много лишних денег, раз потребовался секретарь. Или контора дорога как память. Зашуршали толстые сероватые листы. Иной стопкой газет можно и убить, особенно если листы вставлены в специальные деревянные рамки. Так подавали прессу аристократам, ну и начальникам, чтобы легче было листать. Кара потратила битый час, чтобы затолкать все в держатели. Зато теперь каждая газета словно книга.

Бросив косой взгляд на свое отражение, молодая женщина хихикнула. Ей бы очки! И бородавку. Почему бородавку, Кара толком не понимала, но образ «синего чулка» требовал. Остальное – почти идеальное попадание, даже туфли мастера Тана не спасали ситуацию. При найме на работу новому секретарю выдали целый ряд предписаний, касавшийся внешнего вида. Кара могла свести его к одной фразе: «Убить в себе женщину, но носить каблуки». Спрашивается, зачем кандидаткам приятный голос и не менее приятная внешность, если на тебя надевают мешок из-под картошки? Чтобы подобрать его, пришлось попотеть. Отчего-то модные лавки видели женщину в образе обольстительницы или миленькой хозяйки, но никак не бесполого «принеси» и отказывались изуродовать до нужного уровня. Однако Кара справилась с задачей, обошла

половину столичных магазинов, но подобрала нужный балахон. Формально он звался платьем, даже предполагал наличие груди, но по факту… Невнятный серый цвет с не менее невнятными желтыми и синими полосками. Их дополняла высокая, чуть ли не под грудью, талия, блестящие медные пуговицы и черное кружево по подолу. Не платье – футляр под горло, с трудом дышишь. Прическа под это нечто полагалась соответствующая. Кара намотала волосы на кулак и скрепила шпильками на затылке. Вышло достаточно кошмарно. Только вуаль молодая женщина подобрала приятную. Она крепилась к гребню – очень удобно, когда нельзя надеть шляпку. Черная – универсальный цвет с максимальной маскировкой.

– Сколько же бездельников на свете! – Кара похлопала по газетам. – Пишут одно и то же каждый день. И о чем? О линьке любимой королевской гончей, потерянной туфельке графини С., ясном солнце на небе, которое давно затянуло тучами. И большие деньги получают, наверное.

Мерно тикали часы, чуть потрескивали дрова в печке, а молодая женщина добросовестно изучала прессу. Ее внимание привлекло знакомое лицо. Так и есть, Верховный некромант. Скетч вышел талантливым. Художнику удалось передать и густые брови, и чуть раскосые глаза. Заинтересовавшись, Кара вчиталась. Она ожидала увидеть заметку о посещении университета, но обнаружила нечто иное. Броский заголовок сообщал, что оценивать красоту, ум и иные качества претенденток на роль королевы собирался в числе прочих граф Экундо. Якобы он в последний момент принял решение войти в состав судей. Журналист недоумевал, зачем Верховному некроманту понадобилось рассматривать красавиц. «Уж среди них точно нет мертвых, – усмехался репортер. – Или министры боятся жестоких боев между участницами за сердце короля?» Отбор? Кара нахмурилась. Разве можно полагаться в таком важном деле на волю случая? Вдруг победительницей станет какая-нибудь кухарка? Молодая женщина надеялась, во дворец допустят только представительниц дворянских фамилий, хотя, по ее мнению, следовало устроить конкурс портретов иностранных принцесс. Король женится на королеве, пекарь на поварихе, каждый продолжает династию, сохраняет вековые традиции, преемственность поколений.

Убедившись, что начальнику не требуется больше кофе, – выпитым он мог бы захлебнуться – Кара достала газеты за прошлые дни и заскользила взглядом по заголовкам. Ее волновал отбор. Нет, бывшая учительница не мечтала сменить указку на корону, не жаждала внимания и славы, ее волновал граф Экундо.

Отбор – шанс подобраться к нему, озвучить свою просьбу. Там нет глухой к мольбам охраны, а толпа намного меньше, чем перед воротами университета. Кара верила, она сумеет. Вылетит в первом туре, зато обретет лицо, в прямом и переносном смысле.

– Интересно, а секретарь отбору не нужен?

Молодая женщина трезво оценивала свои силы и понимала, что манер, фигуры и правильной речи мало, придется и личико открыть, а это… С другой стороны, соперниц не останется, умрут на месте от сердечного приступа.

– Или наставница. На странности прислуги смотрят сквозь пальцы. Но если не повезет, пойду в красавицы. Стану Госпожой Загадкой или Барышней Тайной. Нагоню туману, продержусь до появления некроманта. Никуда он из моих цепких рук не денется, у мертвых хватка лучше волчьей.

Условия отбора отыскались в стопке недельной давности. Ему посвятили первые полосы все издания. Критерии оказались на редкость просты, пусть и оставляли свободу действий специальной комиссии: именно она решала, кто из девиц от восемнадцати до двадцати пяти получит заветный пропуск во дворец.

– Спасибо, не через два года воскресил!

Кара полагала, сейчас ей двадцать четыре. Судите сами: умерла в двадцать три, воскресла через год.

Отбор… Дурость какая-то!

– Нет, сама посуди, – Кара отложила газету и бросила мимолетный взгляд на часы: еще целый час до законного отдыха, – какая из тебя претендентка? Учебное пособие в университете! О, это всегда пожалуйста, конкурс невелик, точно возьмут. Сомневаюсь, будто в столице и окрестностях много желающих избавиться от головы и обзавестись парой новых дырок в теле. Именно туда тебя пошлют, стоит предстать перед комиссией. И что, ты станешь вопить в прозекторской: «Позовите Верховного некроманта?» А какой-нибудь Турс вилкой тыкнет, а то и на заклинание сподобится. В итоге ни жизни, ни смерти, одни страдания. Лучше уж скорбно устроиться у дома графа, изображая безутешную влюбленную. Уверена, поклонниц у него много, мужчина он видный.

Не удержавшись, молодая женщина отыскала портрет графа. Хорош! Обычный такой смазливый бабник, перелистнуть и забыть, только вот смотришь. И перечисление недостатков не помогает. К такому бы с нормальным лицом… «Вот сначала его сделай, а потом мечтай, – одернула себя Кара. – Любви ей захотелось, внимания! Еще скажи, на свидания ходить! Зомби – твои друзья, а романтические прогулки по ближайшему погосту».

– Кара! – ворвался в размышления о проверке качества потенциальных королев недовольный голос работодателя.

Молодая женщина встрепенулась, почуяв дело. Ей подойдет любое, даже крохотное, лишь бы не скатиться до продумывания свадьбы с десятками кандидатов и подсчитывания количества будущих детей.

– Уже иду, господин!

Прозвучало… Ну да, словно в гареме, просто из головы вылетела фамилия. Надо же выкручиваться?

Старательно улыбаясь под вуалью, Кара открыла дверь кабинета начальника юридической конторы, проще говоря, адвоката. Тот хмурился за заваленным бумагами столом. Неужели попросит навести порядок? Госпожа Барк могла бы, у нее всегда идеальная чистота.

– Кара, – повторил адвокат, – отправьте это курьером и проводите госпожу Мертес сразу, как только она придет.

Молодая женщина с важным видом кивнула и с трепетом приняла из рук патрона конверт. Пухлый! Судя по размерам, адвокат затолкал туда целую папку. В отличие от Кары, парнишка, нанятый на должность курьера, работе не обрадовался. Еще бы, она отвлекала его от поедания булочек сердобольной кухарки соседней таверны. Но пинок иногда действует убедительней слов, мальчишке пришлось на время забыть об обжорстве. С чувством выполненного долга Кара вернулась в контору и наткнулась в приемной на крайне раздосадованную женщину. Она с шумом надувала и сдувала щеки, словно делала комплекс упражнений для молодости кожи.

– Где вас только носит?! – посетительница с порога напустилась на Кару. – Не контора, а забегаловка!

– У нас только чай с печеньем.

– А? – не поняла женщина.

– У нас не забегаловка, есть только чай с печеньем, – терпеливо повторила госпожа Барк. – Как вас зовут? Присаживайтесь, пожалуйста.

– Хамка!

Посетительница тяжело, сказывался ее вес, плюхнулась на стул.

Кара пожала плечами. Не хочет называть себя, не надо. Приличные люди сначала здороваются, но раз человек не желает быть человеком, то и отношение к нему соответствующее. И Кара ведь держалась в рамках, даже голоса не повысила.

– Опять села, лентяйка! – не унималась женщина. – Встала и доложила обо мне.

– Обо мне – это о ком, госпожа?

Так испортить человека могут только родители и большие деньги. Наряд посетительницы говорил о том, что тут сошлись сразу два фактора, только вот забыли пригласить хороший вкус и чувство меры.

– Она еще и издевается?!

Дама кардинально сменила цвет кожи. Красные оттенки решительно не гармонировали с глазами и волосами.

– Даже не думала, госпожа. Вы не представились.

– Так в журнале посмотри, бестолочь! И занавеску с лица убери, когда с тобой разговаривают.

Стараясь оставаться спокойной, Кара открыла журнал записи. Как же ей хотелось ударить им противную тетку по голове, но тогда пришлось бы попрощаться с жалованием. Долистав до нужного числа, Кара продемонстрировала девственно пустой разворот:

– Тут нет вашего имени, госпожа.

– Потому что ты его не записала!

Сложно записать то, чего не знаешь, но женщине виднее.

– И подыми вуаль. Тебя хорошим манерам не учили? Из какой дыры господин Рус берет таких секретарш? – Посетительница патетически воздела руки к небу.

Кара закашлялась и вкрадчиво предупредила:

– Мне с вуалью лучше, поверьте.

– А мне плевать, что тебе к лицу!

Дама потянулась, чтобы сорвать вуаль с лица оппонентки, как, наверное, не раз вышибала подносы из рук официанток и дергала за волосы горничных. Кара не стала ей мешать. Награда должна найти своего героя. Визжала посетительница знатно и на такой высокой ноте! Едва не перешла на ультразвук. Кастратам оперных трупп, до сих пор исполнявшим многие женские партии, никогда не достичь подобных вершин. И показала много прыти. Грузное тело не помешало покинуть контору в рекордные сроки. Кара могла бы поспорить, остановится она не раньше пяти кварталов.

– Что тут происходит?

Распахнувшаяся дверь явила встревоженного адвоката.

– Не знаю, господин. – Кара, сама невинность, закрыла дверь за столь спешно ретировавшейся посетительницей. – Возможно, заходила та самая госпожа Мертес, но я не успела выяснить, она сбежала.

– Сбежала? – поднял брови мужчина.

– Ну да, – кивнула молодая женщина. – Потребовала открыть журнал, увидела, что он пуст, и сбежала. Обиделась, наверное.

Адвокат не поверил, но другую версию выдвинуть все равно не мог. Напомнив Каре об испытательном сроке, он вернулся к себе, а бывшая покойница вновь задумалась о конкурсе. Может, попытать счастья? Она уже четырежды пыталась проникнуть на прием к Верховному некроманту в министерство, и четырежды ее выгоняли. Кара даже рта раскрыть не успевала, ее прерывали на стадии цели визита и отправляли восвояси. Только рабочие дела, никаких личных. В последний раз Кара пробовала соврать, что по долгу службы, но над ней посмеялись. Дома графа и вовсе не застать, он вечно не принимает. Не в окно же лезть! Кара бы не рискнула. Маг такого уровня заботится о собственной безопасности, еще на подоконнике превратит в горстку пепла. Тогда, конечно, станет все равно, какое у тебя лицо, но выход слишком радикальный.

Так, где же эта информация по отбору? Любительница ора внесла такую сумятицу, что Кара не могла вспомнить нужный выпуск. Она сходит туда ради шутки, с надеждой, вдруг Верховный некромант со скуки посидит в приемной комиссии. Потом поплачет, разжалобит кого-нибудь и попадет во дворец на самую крохотную должность. Уж там у графа неприемных дней точно не будет! Работа в адвокатской конторе все равно осточертела. Ну, положим, на пару дней занятие найдется, а дальше? Плевать в потолок Кара не умела, метание бумажных шариков в мусорную корзину уже испробовала. Тренировки развили точность броска, теперь молодая женщина попадала в восьми случаях из десяти. А в перерыве между увлекательными соревнованиями она добросовестно писала письма под диктовку, заваривала чай и кофе – словом, вела насыщенную жизнь. Променять такую на дворец? Да с радостью!

Ага, нашлось! Кара вырвала лист из журнала, переписала адрес и приемные часы. Одно плохо – документы. Связи хозяина позволили выйти на умельцев, но даже в их среде царствовала волокита. Нет, не подумайте, почтенный адвокат не якшался с криминальным миром, просто за особое вознаграждение криминальный мир открывал временный филиал в кабинете того или иного чиновника. Молодой женщине удалось побывать с начальником в присутственных местах, послушать парочку разговоров, а уж выводы она сделала сама. Записалась на прием, поведала сказку о пожаре, унесшем самое ценное, в том числе красоту и супруга, и завернула в заявление весомые

доказательства своей правоты. Ими послужили облигации: монеты бы звенели, еще выпали ненароком. А тут бумажка, всем удобно, все довольны. Разумеется, сначала чиновник возмутился: у них все по закону, в общем порядке, но порядок быстро превратился в частный, когда листов в заявлении стало чуточку больше. И вот через неделю Кара должна была получить документы на имя Кары Абри, родившейся в отдаленной дыре, куда никто запрос посылать не станет. А еще утверждают, будто география – бесполезный предмет! Знала бы Кара о том хуторе, если бы в свое время не зубрила карты? Муж в метрику по понятным причинам не вписывался. При желании (или наличии того самого супруга) всегда можно взять дубликат записи о браке в муниципалитете. Но все через неделю, а записываться надо прямо сейчас. Король не станет ждать, пока его потенциальные невесты приведут документы в порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-romanovskaya/vernite-menya-na-kladbische

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить